

Кира Измайлова

Анна Орлова

Пятый постулат

Общевисты всех миров, объединяйтесь!

Жил себе один славный мир и не тужил, правил им неглупый властелин, и шло бы здесь все своим чередом, если бы... Если бы сюда не занесло парочку чужаков. Он — надменный родовитый вельможа, приближенный императрицы, а вдобавок потомственный жрец бога смерти. А она — простая швея-мотористка из Мира взошедшего солнца, с Книгой Вождя наперевес и пламенной верой в светлое будущее в юном сердце.

Разве сумеют они жить тихо и мирно? Одному подавай интриг да власти и побольше — привычка такая. Другая так и норовит привнести на новую родину идеи общевизма, разбудить трудовой народ... А там и вовсе приходится пуститься в бега, потому что идеи Вождя как-то скверно приживаются на новой почве. А потом... Разбойники? Коварные эльфы? Беглый дракон? Да что вы! Это ведь такие пустяки! Вы вот попробуйте примирить убежденную общевистку с заносчивым аристократом, сами убедитесь...

Кира Измайлова, Анна Орлова
Пятый постулат

Глава 1

Встреча

Под вечер на улице приморозило. Снег поскрипывал под теплыми валенками, весело светились окна, причудливо разрисованные ледяными узорами, — лучший мастер-стеклорез так не сделает! Там, в тепле, в уютном желтом свете, отдыхали, ужинали, кое-кто еще работал... Из одного дома доносился стройный хор голосов — видимо, встретились старые друзья и решили спеть хорошую песню. А может, к смотру талантов готовились, песня-то одна из лучших, «Вперед, к победе!» называется.

Маша не чувствовала холода — слишком уж хорошее настроение у нее было, а радовалась она тому, что ее наконец признали лучшей швеей-мотористкой области! Сам Второй секретарь приезжал, чтобы вручить Маше награду за ее нелегкий труд и вынести благодарность! У девушки все в груди замирало, когда она вспоминала одухотворенное лицо Секретаря, его вдохновенную речь...

Словом, этим вечером Маша (так ее ласково звали друзья, сокращая ее имя — Машинно-автоматическая швея № 372) была совершенно счастлива. Она шла домой с собрания и предвкушала, как станет рассказывать обо всем в общезитии обмирающим от восторга и зависти подружкам (хотя завидовать нехорошо, это все знают с детства), расписывать в красках, какой замечательный Второй секретарь Вождя — намного лучше, чем даже на самых красочных плакатах! И как он пожал ей руку — крепко пожал, по-товарищески, а потом отечески обнял за плечи, чтобы фотограф мог запечатлеть этот миг. И карточку обещал прислать, с подписью!

Девушка стянула рукавицу, нежно погладила выданный сегодня значок «Передовик производства», который теперь красовался у нее на тулупе, и ускорила шаг. Пошел снег, и Маша счастливо улыбалась, смахивая снежинки с ресниц и прижимая к груди толстенный том, который ей презентовали в награду за самоотверженный труд, — это были избранные сочинения самого Вождя! Даже его стремительная роспись имелась на титульном листе, там, где портрет, и ничего, что она отпечатана типографским способом — не может же Вождь каждому передовику подписывать книги лично, слишком много таких в их счастливой стране! Зато можно смотреть на портрет и воображать, как когда-то этот великий человек (на картинке он совсем молодой, даже без седины) взял ручку и расписался на своей фотографии, а потом сказал про себя: «Как хорошо, это увидят сотни, нет, тысячи молодых людей и будут знать, что я думал о них в этот миг!»

Ах, с каким наслаждением она будет читать сегодня перед сном его слова, пусть и знакомые до последней буквы, заученные наизусть еще в детстве, но от этого не ставшие менее прекрасными! Девушка даже зажмурилась, предвкушая удовольствие, когда вдруг поскользнулась и поняла, что падает. «Неужели строители не прикрыли яму?! — успела она подумать. — Какое безобразие, я напишу на них жа...»

Карета оказалась прекрасна, она стоила уплаченных денег — мастер не обманул. Мягчайший ход, будто сидишь в гостиной, а не едешь по загородной дороге, отделка превосходна, сиденья удобны. И, разумеется, умелец не позабыл о том, что на улице зима — в специальной жаровне тлели угли, и можно было скинуть шубу, не рискуя замерзнуть.

Впрочем, Восьмиэль-зи-Нас'Туэрже любил тепло, а потому привычно кутался в нежный мех полярной куньи, гревший лучше любых углей.

Возок стремительно несся по укатанному снегу, полозья скользили отменно, а лошадей зи-Нас'Туэрже приказал запрячь самых лучших, самых быстрых и выносливых. Видно было, как идет пар от разгоряченных конских спин, слышно, как покрикивает кучер и щелкает кнутом — бить лошадей он никогда не бил, не было особой нужды, только подбадривал, чтобы бежали быстрее.

Восьмиэль все-таки распахнул шубу и поправил кружевной воротник. Ему казалось, что бриллиантовый зажим укреплен неровно, хотя перед выходом отражение в зеркале выглядело идеально! Не то чтобы он придавал значение подобным мелочам, он мог себе позволить легкую небрежность в одежде — это провинциалы пусть застегиваются под горло и крахмалят кружева, а таким, как он, отпрыскам древнейшего рода позволено явиться на бал хоть в распахнутом камзоле и даже без перчаток.

Но сегодня случай особый: он был приглашен в загородное имение матери-императрицы, а это дорогого стоило! Все знали, что в действительности правит вовсе не император, избалованный и слабый юноша, а его мать, вернее, мачеха — женщина достаточно молодая, с сильным характером, имеющая множество сторонников при дворе. Увы, она не успела родить сына императору, женившемуся на ней после кончины первой жены, иначе, конечно, посадила бы на престол родную кровь! Но мать-императрица и без того чувствовала себя прекрасно: молодой правитель легко поддался ее влиянию и фактически передал власть в ее руки. Ему так было спокойнее и удобнее, никто не мешал предаваться забавам, а красоваться на балах и приемах он умел отменно.

И вот эта в высшей степени опасная (и тем более привлекательная) дама почтила Восьмиэля личным приглашением! Нельзя было ударить в грязь лицом — он примерно представлял, какое предложение может сделать ее величество, ждал его уже давно, неустанно совершенствуясь в своем деле, а это было не так-то просто. И дождался наконец.

— Прибыли, господин! — Слуга распахнул дверцу кареты, холод проник внутрь, и Восьмиэль плотнее закутался в шубу.

Ему предстояло пройти всего несколько шагов, подняться по ступеням особняка, а там уж... Там он будет в своей стихии, и императрица останется довольна!

Он ступил на подножку, почувствовал — что-то не пускает его, понял, что подол шубы зацепился за сиденье, осознал, что падает, — все это в считанные мгновения.

«Только не это! — подумал он. — Растянуться перед входом — что может быть позорнее...»

Лежать было холодно. Восьмиэль открыл глаза... Странно, а когда это он успел их закрыть? Неужели, падая, он ударился головой и потерял сознание? Это вовсе никуда не годится! Теперь остается только с позором отправиться восвояси, ибо императрице наверняка уже донесли, как осрамился один из рода зи-Нас'Туэрже!

Он поднял голову — да, кругом снег, но... Где карета, где ступени особняка, слуги, наконец?! Восьмиэль лежал в глубоком сугробе, каких не могло быть перед парадным входом! И... вокруг простирался не какой-нибудь парк, а самый настоящий лес.

Внутри все похолодело, и вовсе не от мороза. Восьмиэлю доводилось слышать о забавах приближенных императрицы! Что, если его, не оправдавшего надежд, вывезли в лес и оставили умирать?! Ну, положим, сразу он не замерзнет, мех куньи греет прекрасно, но...

Куда идти, что делать?.. «Прежде всего, не паниковать, — сказал он себе. — Вероятно, я где-то недалеко от поселения. Да и императрица вряд ли станет убивать одного из зи-Нас'Туэрже! Вот полюбоваться, каким я выберусь из леса, — другое дело».

Он осмотрелся еще раз. Очень странно. Весьямиэль готов был поклясться, что не узнает ни единого дерева в этом лесу! Что, например, вот это такое: белый ствол в черных пятнах? А это — со слоистой коричневой корой, пахнущей как-то странно? Где стройные серебристые палиа и изящные черные иэлли? Что это за кустарник, в конце концов?! Не могли же его увезти в другую страну!

В кустах затрещало. Весьямиэль замер: если там человек — это одно, а если дикий зверь... Останется только на дерево лезть, а это не так-то просто: стволы гладкие, ветви начинаются высоко, а он в шубе и парадных сапогах! Сбросишь шубу — замерзнешь, не сбросишь — не убежишь от зверя... И оружия нет, как назло, — нельзя появляться у императрицы вооруженным!

В кустах затрещало сильнее, и почти под ноги Весьямиэлю вывалилось что-то бурое, лохматое... поднялось на задние лапы, заревело...

У страха глаза велики — существо не заревело, а что-то сказала человеческим голосом, ибо был это не зверь, а человек, просто в какой-то странной шубе!

Приглядевшись, Весьямиэль подавил желание протереть глаза — этак краска с ресниц поплывет! Если уже не поплыла. Перед ним стояла женщина, несомненно. Но какая это была женщина! Ростом выше его на голову, в плечах — как императорский гвардеец! Одета во что-то вроде шубы мехом внутрь, как носят в деревнях, на тумбообразных ногах — штаны (штаны!) и какие-то нелепые ворсистые сапоги.

Он готов был увидеть страхолюдную харю лесной жительницы, но у женщины оказалось юное и даже миловидное лицо: круглое, с румянцем во всю щеку, с веснушками на вздернутом носу. Кое-кому из знакомых Весьямиэля нравились крестьяночки, они любили, так сказать, разнообразить меню, но он этой моды не разделял — уж больно эти девицы были глупы и грубы! Вот и эта таращилась на него круглыми голубыми глазищами, будто на заморское диво. Надо лбом топорщилась рыжая челка, непристойно короткие даже для крестьянки волосы были собраны в два нелепых хвостика. Словом, редкое уродище, заключил Весьямиэль. Но, может, она знает, как выйти из леса?..

Маша долго ворочалась в сугробе, пытаясь подняться на ноги. Тулуп всем был хорош, вот только ограничивал подвижность, да и теплые ватные штаны с валенками сейчас больше мешали...

Это куда же она свалилась? Вроде на улице меняли трубы, раскопали что-то, но... тогда она должна была оказаться в яме, а не в сугробе посреди леса! А может... может, это приятели подшутили? Взяли да отвезли ее куда-нибудь, а сами сидят за кустами и давятся от смеха. «Ну я вам устрою! — весело подумала она, все-таки ухитрившись подняться. — Дайте только выберусь!»

Первым делом Маша проверила, на месте ли значок. Тот по-прежнему украшал ее крепкий бюст, ласково золотился на нем профиль Вождя, подмигивали мелкие букочки надписи. Книга тоже оказалась цела, Маша смахнула с нее снег и поскорее спрятала под тулуп, за пояс брюк, — не хватало еще испортить такой подарок!

Только после этого девушка огляделась. Лес как лес. Хотя... В окрестностях ее городка лес был ухоженный, чистенький, лесники трудились на совесть. А тут... кустарник,

непролазный бурелом, поваленные деревья... А на ближайшем бревне — странные зарубки, будто таинственные непонятные знаки... Куда же эти хулиганы ее отвезли? Ну ничего, решила Маша, вряд ли она далеко от людей, а раз так, то волноваться нечего. Опять же эти негодники, скорее всего, прячутся поблизости!

Тут как раз за поваленным деревом что-то шевельнулось.

— Ага, вот вы где! — во весь голос закричала Маша и полезла напролом через кусты. — А ну стойте, я вас вижу!

Она замерла, потому что... вместо знакомых веселых лиц увидела чужое недовольное и вроде бы даже испуганное. Маша невольно протерла глаза — таких людей она видела только в учебниках! Женщина была невысокого роста, Маше едва по ухо, наверно, стройная и очень-очень красивая. Лицо узкое, бледное даже на морозе, большие зеленые глаза и длиннющие темные ресницы (похоже, подкрашенные — вон, пятно на веке!), точеный нос, тонкие, надменно изогнутые брови... А волосы длинные-длинные, золотистые: на лбу завитая прядь, с висков подобраны, уложены сзади как-то хитро, а по плечам рассыпаются локоны. И все это богатство увито цепочками с блестящими висюльками.

Одета она оказалась тоже как на картинках. На ней была длиннополая шуба из неведомого серебристого меха, очень широкая и, наверно, теплая. Тут женщина отступила назад, шуба распахнулась, и Маша успела разглядеть высокие сапожки, все в цепочках и пряжках, облегающие брючки из какого-то темно-вишневого, переливчатого материала, а еще длинный пиджак, весь в золотом шитье и блестящих камушках, и море кружев — на шее, на груди, да и на рукавах вон тоже! В ушах серьги, тоже с камушками, на маленьких руках перчатки — тонкие, наверно, холодно в таких. Маша потянула носом — точно, и духами пахнет, да так, будто женщина в них искупалась!

Но красивая-то какая! Девушка хотела было вздохнуть, но тут же раздумала: красота красотой, вот только это наверняка жду! Женщина для удовлетворения то есть. В Машином городке таких не было, у них и без того молодежи достаточно, любой себе пару найдет, а вот в больших городах, она знала, этих женщин немало. Что ж, все профессии нужны, все профессии важны, этому ее еще в школе учили, и неприлично считать кого-то хуже себя только потому, что она жду, а ты — швея-мотористка! Может, к этой женщине даже Второй секретарь обращался, пока не обзавелся семьей! А что? Он человек занятой, весь в работе, некогда ему на танцы ходить! Вот для таких жду и стараются, чтобы те не отвлекались от мыслей о нуждах страны!

Но все-таки очень странно встретить подобную специалистку в лесу!

Маша хотела было спросить, как та здесь оказалась и далеко ли до поселения, но жду ее опередила:

— Эй, девка, — сказала она низким голосом. Очень презрительно вышло, кстати. — Где здесь ближайшее поместье?

— Что? — опешила Маша.

— Поместье, — отдельно повторила женщина, недобро прищурившись. — Деревня. Жилье, одним словом. Ты что, тупая? Чего уставилась?

— Я не тупая! — обиделась Маша. — И я не уставилась, я просто смотрю!

— Насмотрелась уже. — Женщина раздраженно убрала за ухо длинную прядь. — Говори, да поживее, пока я тебя не проучил!

— А?... — Маша снова оторопела.

«Проучил?» Так это что же... Ой, и голос ведь не женский. И — она только сейчас

сообщила — помады на губах нет, а это главный признак жду! Но одежда-то, одежда! Или это мду? Такие тоже бывают, она слышала, уж очень редкая профессия, хоть, говорят, и востребованная...

— Тупая, — констатировал мужчина и отвернулся. Посмотрел на равнодушный лес и снова взглянул на Машу. — Ладно, попробуем иначе. Ты откуда будешь, тетеря?

— Я?.. Я из Верхнешвейска, код U4P241, — ответила Маша, решив не обращать внимания на грубость. Откуда ей знать, как должны себя вести такие люди. — А вы?

— И где этот твой... — Мужчина поморщился.

— Я не знаю, — удрученно ответила Маша.

Мужчина закатил глаза, Маша даже испугалась — не в обморок ли он собрался упасть?! Вдруг у мду нежная психическая организация, а она его чем-то обидела?

— Идиотка, — совершенно спокойно произнес он. — Сюда ты как попала? С неба свалилась?

— Нет, — уверенно ответила Маша. — Я шла домой с собрания, поскользнулась, упала и... очнулась в кустах. Наверно, это мои друзья так пошутили, они где-то рядом должны быть, я покричу им! Ау-у! Ау...

— Не ори, дура! — рывкнул на нее мужчина и даже ногой топнул. Вышло не грозно, только снег во все стороны полетел.

Маша растерянно заморгала. Очень уж странный был этот человек...

Надежда на то, что девка эта из ближайшей деревни, быстро иссякла. Либо она вовсе идиотка, чего Весьямиэль не исключал, либо... Что-то тут было не то. Названия города он никогда не слышал, раз. Два — то, что девка, наткнувшись в лесу на незнакомого мужчину, сразу не удрала и не перепугалась, а принялась с ним разговаривать как ни в чем не бывало. Да еще не гнула шею перед аристократом — а в Весьямиэле трудно было не признать дворянина! Три — то, как она себя вела в лесу, будто на прогулке в городском парке, вон, каких-то своих друзей звать принялась. А то, что на ее дурные вопли может не человек явиться, а что похуже, вовсе не подумала, это очевидно. Ну и еще ему не давал покоя ее рассказ. Шла, значит, домой, видимо, с посиделок, упала... и очутилась в лесу. В точности как он сам. Но что это могло означать?

Весьямиэль присмотрелся — на груди девки блестело какое-то украшение, вряд ли золото, конечно, но все-таки... Крестьянки брошек не носят: бусы, браслеты, серьги — это само собой, а таких штучек Весьямиэль не видел никогда. Да там, кажется, портрет чей-то, на брошке-то! Рассмотреть никак не удавалось — девка все вертелась по сторонам, а силой ее принуждать он опасался, знал, каковы бывают крестьянки — такая, поди, легко понесшую лошадь остановит!

И что делать дальше? Выбираться из леса, это очевидно — так и замерзнуть недолго. Вот когда Весьямиэль пожалел, что не проявлял прилежания в детстве! Как теперь пригодилось бы умение разжечь огонь! А тогда-то он нос воротил — зачем это нужно, если слуги есть?

В общем-то попытаться он мог, но опасался, что ничего не выйдет — большинство кое-как усвоенных в детстве знаний ему ни разу не приходилось применять на практике. «Это оставим на крайний случай», — решил он.

Повернулся, посмотрел по сторонам — ни следов не видно, ни засечек на деревьях, потянул носом — обоняние у него было тонким, и это могло пригодиться. Подобрал полы

шубы и решительно зашагал по глубокому снегу.

— Куда вы?.. — удивленно окликнула девка. Она успела нахлобучить на голову свалившуюся шапку и теперь выглядела еще более нелепо.

— Не твое дело, — ответил он.

— Вы знаете, куда идти? — Она догнала Весьямиэля и пошла рядом, пытаясь заглянуть ему в лицо. — Вы так уверенно идете! Как вы догадались?

— Дымом пахнет, — ответил он, поняв, что она не отвяжется. Как бы от нее отделаться? С другой стороны, пусть идет, вдруг поможет объясняться с местными...

— Разве? — Девка шумно засопела. — Ничего не чувствую! А вы...

— Рот закрой, — любезно посоветовал Весьямиэль.

— Что?..

— Будешь болтать на морозе — желудок застудишь, — сказал он первое, что пришло в голову, но это помогло — крестьянка умолкла.

То, что Весьямиэль выйдет к поселению, он не сомневался: жить захочешь, еще и не по такому лесу бегом побежишь. Но что делать дальше, он пока не понимал...

Глава 2

Лес

Чем дальше они шли, тем больше недоумевала Маша: почему ее спутник так уверен, что идти надо именно в эту сторону, где лес все гуще и гуще, а не в противоположную? Он сказал, что чувствует запах дыма, но сама Маша, как ни приняхивалась, так ничего и не уловила. Она попыталась было сказать об этом мужчине, но тот даже не ответил, только посмотрел на нее презрительно и зашагал себе дальше.

Этому Маша тоже удивлялась. Она сама была девушкой спортивной, в теплое время года занималась бегом, зимой ходила на лыжах аж до соседнего городка (если вдруг хотелось навестить знакомых), делала зарядку, без труда справлялась с капризными механизмами на фабрике и без особой натуги забрасывала мешки с картошкой в кузов грузовика. Но идти по сугробам и бурелому ей было нелегко, ноги вязли в снегу, пару раз она едва не потеряла валенок. А этот мужчина, хоть и был одет неподходяще для такой прогулки, умудрялся как-то выбирать дорогу так, чтобы не проваливаться в снег и не наткаться поминутно на ветки. Маша уже взмокла в своем тулупе и запыхалась, а он все шел и шел, и лицо его выражало только мрачную решимость. Уши и кончик носа у него покраснели. «Обморозится же!» — спохватилась Маша. Уж настолько ее опыта зимних походов хватало.

Соображала девушка быстро — распахнула тулуп, размотала теплый пуховый платок и предложила спутнику: если обмотать такой шалью голову, то никакой мороз не страшен! Тот, однако, взглянул на Машу так, будто она ему дохлую лягушку подсунула, а не теплую вещь! И не взял. Пришлось снова самой надевать...

Совсем стемнело, Маша с трудом разбирала, куда идет, только маячила впереди спина мужчины в светлой шубе. На ощупь он передвигается, что ли? Она шмыгнула замерзшим носом (уже и платок, повязанный поверх шапки, не спасал!) и хотела было попросить остановиться на минуточку — передохнуть и за кустики наведаться. А то так вот отстанешь по делу, потом не нагонишь, и что прикажете делать одной в темном лесу? Вряд ли тут дикие звери водятся, но все равно неуютно как-то. Однако не успела она открыть рот, как мужчина остановился. «Тоже, наверно, устал», — сообразила Маша, обрадовавшись, что не придется ни о чем просить, уж больно неприятный оказался человек. Впрочем, ее учили, что в каждом можно найти что-то хорошее, если поискать как следует, а с этим мужчиной она не знакома даже — Маша спрашивала, как его зовут, а он не ответил, будто не услышал вопроса! Вот любопытно, если мду все такие, то кто же с ними общается? Или с теми, кто пользуется их услугами, они себя ведут лучше?

— Не топочи, коровища! — процедил мужчина сквозь зубы. — Стой на месте!

Маша остановилась. Мужчина медленно пошел вперед, стараясь не шуметь. Это у него получалось: ветки под ногами, бывало, хрустели, их под снегом не углядишь, но кусты особенно не трещали, а снег не скрипел. Машин спутник в своем светлом одеянии здорово напоминал привидение, которыми любили пугать друг друга девчонки в общежитии. Понятно, что пережиток прошлого и вообще предрассудки, но так приятно было пугаться и визжать от притворного ужаса!..

Тут только Маша сообразила, что мужчина не просто так бродит по кустам: впереди виднелось какое-то темное пятно... Неужели дом?! Точно, дом, но ни одного огонька не

видно, должно быть, все спят давно.

От громкого стука Маша подпрыгнула: ее спутник заколотил в ворота. Дом оказался окружен высоченным забором, скорее даже частоколом. Зачем кому-то понадобилось такое городить? Или, может, это секретный объект? Но тогда где часовые?

Тут за забором залаяли две собаки. И, похоже, здоровенные и злоющие — одна громыхала басом, как из бочки, вторая нетерпеливо подвывала, будто нормально лаять не умела.

Маша не удержалась и подобралась поближе. Интересно, кто там живет? Мужчина покосился на нее неласково, но ничего не сказал. Собаки заходились лаем (Маша, как ни старалась, не могла их рассмотреть сквозь щели в заборе). Наконец в окне затеплился огонек, потом бухнула дверь, двор осветился, — видно, зажгли фонарь, — проскрипел снег под тяжелыми шагами, и кто-то спросил мрачным хриплым голосом:

— Кто там по ночам бродит?

— Мы заблудились! — сказала Маша радостно. Наконец-то люди! Теперь хоть понятно будет, где они оказались и как добраться до дома!

— Заблудились? — подозрительно спросили из-за забора. — И сколь вас там, заблудившихся?

— Двое, — ответила Маша честно. — Я и вот... молодой человек... Пустите нас, пожалуйста, холодно очень!

— А откуда будете? — продолжал допрашивать хозяин дома.

— Я из Верхнешвейска, а он... — Маша умолкла, ожидая, что ее спутник сам представится, но тот повел себя вовсе неожиданно.

Отступив назад, мужчина произнес невыносимо надменным тоном (Маша никогда не слыхала, чтобы так говорили, разве что в театре, когда давали пьесу из древних времен, чтобы заклеймить пороки феодального общества):

— Эй, любезный! Отопри-ка ворота, не привык я со смердами перекрикиваться!

Как ни странно, суровый хозяин не возмутился, загромыхало железо, — видимо засов (Маша еще подивилась — от кого запирается в лесу?), — скрипнули петли, и ворота распахнулись. За ними обнаружился здоровенный бородач в необъятной мохнатой шубе, не иначе из цельной медвежьей шкуры. В руках он держал какую-то странную штуковину, при взгляде на которую Машин спутник вдруг напрягся и дальше уже следил за движениями хозяина дома очень внимательно.

Собаки, стоило Маше со спутником войти на двор, обежали их по кругу и теперь держались позади. Девушка успела их рассмотреть немного: зверюги оказались огромные! Та, что побольше (Машиному спутнику чуть не по пояс) — мохнатая, серо-белая, похожая на оживший сугроб, с медвежьими лапищами и башкой. Вторая — поменьше, темно-серая, со злыми глазами на волчьей морде.

— Вы, господин, вижу, из благородных будете, — с неожиданным уважением обратился бородач к мужчине. — Уж не обессудьте, что осторожничаю, ночь на дворе, а люди всякие попадаются...

Тот в ответ только фыркнул, потом смерил бородача холодным взглядом и спросил:

— Ты кто таков будешь?

Маша подивилась: и как не стыдно так разговаривать с человеком намного старше себя! А тот-то как странно себя повел: взял вдруг стащил шапку (странную штуковину, правда, не опустил) и сказал:

— Яреуком звать. Яреук Лесник.

— Что лесник, я догадался, — хмыкнул мужчина. — Ну, любезный Яреук, можешь удостовериться — я безоружен. И опусти самострел, не ровен час тетива сорвется!

— Не сорвется, — проворчал тот, но сделал так, как попросили. — Пожалуйте в дом, господин.

— А почему вы его называете господином? — полюбопытствовала Маша.

— Дык а как же иначе? — удивленно покосился на нее бородач. — Сразу видать, благородный господин, разве ж можно иначе?..

Маша ничего не поняла. Почему господин? Какой такой господин и при чем тут благородство? Это понятие по Машинуму разумению означало проявление высокой нравственности, честности и вообще возвышенности.

— Проходите, господин. — Бородач изобразил что-то вроде поклона. Посмотрел на Машу: — И ты, девка, проходи, неча мерзнуть!

Маша послушно прошла в дом. Там было жарко натоплено, сразу захотелось скинуть тулуп и валенки, но она стеснялась раздеваться без разрешения.

Чудно только, что вместо привычного яркого электрического света помещение освещалось свечами. Неужто дом находится так далеко в лесу, что тут нет даже лампочек Вождя? Или просто авария на подстанции и завтра свет дадут? Но все равно, почему свечи, неужели нет керосиновой лампы?

— Время позднее, — сказал лесник, пристраивая самострел на крюк, вбитый в стену. — Господин почивать желает или откусать чего-нито?

— Господин желает узнать, где он оказался. — Машин спутник сбросил шубу, поправил растрепавшуюся прическу. — И каким образом это произошло.

Яреук помолчал, забрал бороду в кулак, потом произнес:

— Ну, ближайший поселок тут недалече. Перепутинском называется. Завтра сведу вас туда. А что до прочего, то меня не пытайте, сам не знаю, рассказать не смогу. Староста перепутинский вам все обскажет, а я что — я в лесу живу, знать ничего не знаю, видеть никого не вижу. Разве вот заблудится кто вроде вас...

— Ясно. — Мужчина огляделся, поморщился брезгливо. — Ясно, что ничего не ясно...

— Отужинать пожелаете, господин? — подобострастно спросил Яреук. — Вот, молочко топленое, только сегодня из поселка принес, хлебушек опять же...

Мужчина скорчил такую гримасу, будто лесник пытался накормить его живыми жабами, но подношение принял.

— А можно мне тоже? — попросила Маша, удивленная таким поведением бородача. Совсем невоспитанный! Конечно, мужчины с женщинами во всем равны, но принято ведь девушек уважать!

— А ты свое место знай, девка! — цыкнул на нее лесник и повернулся ко второму своему гостю. — Это ваша будет, господин?

— Приблудилась по дороге, — хмыкнул тот и поднялся из-за стола, взял свою шубу. — Ты прав, любезный, время позднее.

— Пожалуйте сюда. — Яреук распахнул дверь в глубине дома. — Не извольте сомневаться, кровать хорошая, специально держу, если вдруг кто благородный случайно милость окажет. Чистенько все. Пожелаете чего, кликните!

Мужчина кивнул, усмехнувшись краем рта, протянул руку. Маша думала, что лесник ее пожмет, но тот едва коснулся узкой ладони, да еще поклонился при этом. Девушке показалось, будто что-то блеснуло, металл какой-то, но это мог быть просто блик от огня на

многочисленных перстнях ее спутника.

— Благодарствую, господин, — произнес лесник, а Маша снова поразилась: в дом пригласил, накормил, спать уложил и сам же благодарит?! Может, он немножко того? Не в своем уме?

Дверь за мужчиной затворилась, и Яреук повернулся к Маше.

— Ну, чего встала? — произнес он совсем другим тоном. — Скидывай тулуп и обувь да садись, не топчи, полы мыты!

Маша удивилась — ее спутнику он не предложил сапоги снять, а снега на них было не меньше, чем на ее валенках! Но об этом она быстро забыла: имелась одна насущная проблема.

— Яреук, а мне бы... — Маша замялась — неудобно было спрашивать незнакомого человека о таком. — Ну...

— Чего мычишь? — нахмурился тот. Потом, видимо, догадался: — До ветру, что ли? На двор иди, нечего тут. Собаки не тронут, не бойсь. За углом там.

Пришлось снова выходить на мороз. И как тут люди живут, дивилась Маша, если у них до сих пор отхожие места во дворе! Поди, и водопровода нет! Куда же это ее занесло?

Собаки проводили ее до места и обратно. Не слишком-то это было приятно. Признаться, они совсем не походили на ласковых домашних псов, скорее уж на лесных зверей!

— Ешь давай да спать ложись, — встретил ее Яреук. — Вон, на лавку. Да храпеть не вздумай!

— Я не храплю, — обиделась Маша. — А скажите...

— Недосуг мне с тобой болтать. — Лесник полез на печь. — Ложиться будешь, лампу задуй. Да не топчи!..

Спустя несколько минут с печи донесся богатырский храп: Яреук собственным наставлениям явно не следовал...

Весьямиэлю не спалось, и причиной тому была не усталость, не холод (в тепле его уже разморило) и даже не храп лесника. О нет, его одолевали мысли, одна другой неприятнее.

Что за Перепутинск такой? Он никогда не слышал о поселке с таким названием. Положим, все мелкие поселения и деревушки он знать не может, но по окрестностям столицы поездил немало... Опять же лес вовсе не знакомый, это он отметил. Собаки лесника — не видал он таких пород! Одна, положим, явная полукровка, на волка похожа, а вот вторая точно не подзаборная шавка, таких псов выводить надо, в подобных вещах он разбирался неплохо. И чтоб этакое чудище да ни разу не привезли на собачьи бои — быть не может!

Самострел у лесника странного вида, не попадалось Весьямиэлю таких моделей, а в оружии он разбирался даже лучше, чем в собаках!

Что дворянина Яреук в нем признал, это хорошо. Выходит, глаз у него наметан: либо он часто бывает в поселке, а поблизости чье-то поместье, либо здесь охотятся благородные господа, не иначе. Но вот слова лесника не давали Весьямиэлю покоя: знать он ничего не знает, видеть не видит... Кто-то, судя по всему, частенько плутает в этом лесу. Очень любопытно...

Все же Весьямиэль решил, что от размышлений его проку сейчас немного. Нужно взглянуть на этот самый Перепутинск, поговорить со старостой. Может, Яреук не соврал, и тот что-то да разъяснит. А пока... надо действовать по обстоятельствам. И желательно, —

тут Восьмиэль усмехнулся, — вести себя так, как полагается благородному господину в затруднительных жизненных обстоятельствах. Это он умел превосходно.

Одно неприятно: крестьяне — народ ушлый, а на нем драгоценностей столько, что наверняка хватит скупить весь их поселок с прилегающими полями и лесами. Могут ведь и отобрать, у него оружия нет, да и было бы — что он сделает в одиночку против десятка дюжих мужиков? А Яреук наверняка расскажет старосте, что видел золотые монеты (самому-то серебрушка досталась), драгоценные перстни и много чего другого.

Восьмиэль прекрасно понимал, что никакие драгоценности не стоят жизни. Ну, за редким исключением, конечно, — фамильный перстень он отдавать не собирался, а потому припрятал его подальше. Впрочем, вряд ли крестьяне на него польстятся, по сравнению с остальными побрякушками он совсем невзрачен! Подстраховаться, однако, стоило.

Разобравшись с драгоценностями, он с сомнением осмотрел предложенную ему лесником кровать. В самом деле, на вид чисто. Тем не менее раздеться он не рискнул, скинул только сапоги, лег поверх покрывала, укрылся шубой и, задув свечу, все-таки задремал.

Маша, в отличие от Восьмиэля, выпалась хорошо. Конечно, непривычно было спать на узкой лавке, да и ложиться пришлось одетой, но усталость от похода давала о себе знать, и девушку быстро сморил сон. От изнеможения она даже не смогла почитать на ночь подаренную книгу, хотя свет все равно оказался слишком тусклым для этого. Ей не мешал храп, не тяготили думы о будущем. Конечно, она попала к каким-то странным людям. И лесник, и этот мду, который так и не пожелал назваться, вели себя очень подозрительно, но что загадывать? До деревни утром дойдут, а там свои, товарищи не бросят и до Верхнешвейска добраться помогут! Так что Маша спала спокойно и видела сладкие-сладкие сны. Под головой у нее вместо подушки лежал увесистый том избранных сочинений Вождя. «Думы о былом» — гласила надпись на обложке.

Она проснулась рано, разбудили непривычные звуки: пропел петух, заблеяла коза, в отдалении кто-то громко нецензурно выругался.

«Разве можно так ругаться! Рот с мылом за такое мыть нужно! — сердито подумала девушка, просыпаясь. — С хозяйственным». Ее товарищи себе такого не позволяли!

Она неловко пошевелилась и вдруг очутилась на полу, спросонья забыв, что спала на узкой лавке.

От грохота проснулся и Восьмиэль, высунулся из комнаты (а ведь мог бы уступить кровать девушке, только сейчас сообразила Маша) и принялся браниться, да так, что лесник наверняка покраснел от зависти!

Маша не выдержала и сделала ему замечание:

— Как вы можете так говорить? Это же некультурно!

В ответ мужчина обругал ее снова, да такими словами, что у девушки разом заалели щеки, и она заткнула уши пальцами, чтобы не слышать подобных гадостей.

Наконец поток непристойностей иссяк, мужчина подошел к ней.

Маша отняла руки от ушей (наверное, он хотел извиниться, и она готова была извинения принять, ну с кем не бывает!) и приготовилась объяснить, что язык всегда должен быть чистым и правильным, а ругаться недопустимо! Так ее учили в школе.

Мужчина подошел к ней вплотную, посмотрел сверху вниз (Маша уже сидела на лавке) и ледяным тоном осведомился:

— Как ты смеешь мне прекословить, девка?

— Я не девка! — возразила Маша обиженно. — Я общевистка и передовик производства, между прочим!

При этом она невольно расправила плечи, демонстрируя новенький значок (она переколола его на вязаную кофту, чтобы не расставаться даже ненадолго). Мужчина проследил за ее взглядом и тоже уставился на значок, после чего поинтересовался:

— Где ты это стащила? Откуда у тебя брошь?

Маша перевела взгляд на собственную грудь, не сразу поняв, что он имел в виду, а когда наконец осознала, то прикрыла ладонью драгоценный значок и обиженно возразила:

— Да как вы смеете? Это мое! Мне только вчера Второй секретарь лично вручил!

Девушка невольно приободрилась, вспомнив торжественную церемонию.

— Да кто мог тебе такое дать, деревенщина? — саркастически спросил мужчина, явно выведенный из себя ее строптивостью. — Ты просто воровка!

Кровь бросилась Маше в лицо — да как можно, разве бы она взяла чужое?

— Вы, вы... — беспомощно пролепетала она.

Мужчина, наслаждавшийся ее растерянностью, добавил:

— А ну, дай сюда! — И даже руку протянул, властно требуя исполнить приказ.

Не помня себя и ничего не видя от навернувшихся слез, Маша схватила первую попавшуюся вещь, — это оказалась книга, — вскочила и с силой опустила ее на голову негодяя.

Не ожидая подобного, тот не успел защититься и со странным всхлипывающим звуком свалился на пол у ног девушки.

«Книга — огромная сила», — всплыло в голове у Маши изречение Вождя.

Глава 3

Поселок

Именно во время этой душещипательной сцены вернулся лесник. Окинув ошеломленным взглядом вольную вариацию на романтическую тему «Благородный рыцарь у ног прекрасной дамы» (с большой натяжкой, поскольку Весьямиэль, растрепанный и без сапог, мало походил на благородного рыцаря, не говоря уж о том, что он явно пребывал в беспамятстве; да и всклокоченная Маша вряд ли была достойна именоваться прекрасной дамой), лесник верно оценил ситуацию и выдохнул:

— Ты, девка, совсем сдурела, что ль? Ты на кого руку подняла, шелупонь эдакая?! Да как посмела-то?!

Далее последовал еще с десяток менее приличных эпитетов, которые оказали на Машу такое же воздействие, как холодная вода на разбушевавшегося кота: она мигом потеряла запал и осознала, что наделала. Нет, ей было невдомек, что Яреук имел в виду, однако осознание того, что она — общевистка и воспитанная девушка! — ударила человека, вызывало оторопь. Сколько их в школе учили, что человек человеку друг, товарищ и брат, а стоило ей только столкнуться с этим мду, как из головы мгновенно вылетели усвоенные в детстве истины! А еще... еще у пострадавшего кровь на лбу выступила: это, наверно, Маша рассадилла ему кожу стальной окантовкой переплета! А если у него теперь сотрясение мозга будет?..

Яреук кинулся поднимать Весьямиэля. Пристраивая его на лавке, он жалобно причитал и все извинялся перед беспамятным, что не уследил да не уберег. Впрочем, ушиб оказался не слишком серьезным, потому что мужчина начал приходить в себя.

Маша всхлипнула, вытерла кулаком слезы и вымолвила:

— Извините, я не хотела!

Вот как надо — если неправa, сумей признать ошибку!

Но на ее раскаяние отреагировал лишь лесник, раздраженно шикнув:

— А ты молчи! И поди с глаз долой, а то сейчас господин очнется и высечь тебя прикажет!

Смысл сказанного доходил до Маши постепенно.

— Господин... высечь?! — проямлила она непонимающе. Неужели она ошиблась и приняла своего попутчика за мду, такого же товарища, как и она сама, пусть и трудящегося в другой сфере?! А он, выходит, — недобиток империализма, а этот лесник его еще и защищает?! — Вы... вы апологет угнетения трудового народа! — припечатала Маша запальчиво.

— Ах, ты еще и обзыватьсa смеешь? — возмутился Яреук. Таких слов он не знал, но безошибочно определил, что они ругательные. — Дерзкая девка, а ну брысь из моего дома! На улице постоишь! И я все-о старосте расскажу, пускай тебе всыпят горячих!

Маша возмущенно смотрела на него: вот из-за таких, как он, прихлебателей жирующих капиталистов, до сих пор не победила межмировая общевистская революция! Она хотела было объяснить леснику весь ужас его заблуждений, рассказать, как низко он пал, однако тот вновь повернулся к «господину», не обращая больше на девушку никакого внимания.

Ей ничего не оставалось, как схватить тулуп, заветную книгу, сунуть ноги в валенки и

выскочить из дома, громко хлопнув дверью. Далеко она, впрочем, не ушла: собаки лесника не собирались выпускать ее со двора, так что Маша уселась на крылечке и пригорюнилась...

Мало того что она подняла руку на человека, так еще позорно сбежала, даже не попытавшись прояснить ситуацию! И пусть он поганый капиталист (кем он еще может быть, весь в драгоценных камушках; как это она сразу не догадалась, что даже мду не нацепит на себя столько пошлых побрякушек!), но все-таки человек, и его, наверно, можно было переубедить словом... А если начать с рукоприкладства, так уж, конечно, никто не подобреет! И, кстати, нужно было выяснить, откуда взялся ее идейный противник. В окрестностях Верхнешвейска такого оказаться никак не могло! Шпион? Ну, это глупо! Какой шпион станет так привлекать к себе внимание?..

Тут Маша припомнила, что лесник говорил о поселке под названием Перепутинск. Но ведь поселок же, а не какой-нибудь... Где там жили капиталисты? Дворец, вот! Хотя, может, и дворец поблизости отыщется... И что тогда делать?

«Как что? — поразила Маша своим мыслям. — Конечно, нести просвещение в массы! Никаких господ, таких, как этот... раззолоченный, так просто словом не проймешь! Надо начинать с трудового народа, как делал сам Вождь, а потом уже сплоченные массы сами разрушат дворцы и разделаются с угнетателями!» Тут Маша представила человека, выведшего ее из леса, повешенным или расстрелянным и поежилась — неприятное оказалось зрелище. Одно дело видеть подобное на плакатах и живых картинах — там и кровь ненастоящая и угнетатели выглядят так, как должны, — со злобными глазками, разжиревшие и вообще омерзительные... И совсем другое — воображать, как такое же сделают с живым, хоть и нехорошим человеком. Маше даже жалко его на минутку стало, но она быстро взяла себя в руки. Зло любит прикидываться добреньким и красивеньким, а копни поглубже — испугаешься!

«Ну, можно его посадить в тюрьму, — благородно решила Маша. — Или отправить в трудовую колонию, пусть работает на благо общества!»

Замечтавшись, она представила, как ее спутник в ватнике и сапогах валит лес (хотя это вряд ли, он и топор-то не удержит!) или укладывает кирпичи. Получилось так занятно, что Маша не сразу поняла, кто это толкает ее сзади. Оказалось, она подперла дверь, и лесник не мог выйти...

— Господин, да что же это! Да как же это! — причитал Яреук над Весьямиэлем. Тому казалось, что паника лесника наигранна, да так оно и было на самом деле. Бородач честно исполнял свой номер, только и всего, а дела до разбитой головы мимохожего аристократа ему не было. — Да я вот скажу старосте, так девку эту...

— Оставь, что взять с убогой! — поморщился Весьямиэль и дотронулся до виска.

Девушка задела своей книжищей одну из заколок, а та рассадил кожу. Но это ерунда, кровь уже остановилась, даже кружева удалось не заляпать. В целом он не особенно пострадал, больше удивился, когда эта ненормальная на него накинута. Вот вам, кстати, преимущество пышных причесок, которые так осуждают старики! Огрей его девка по бритому черепу, мало бы не показалось...

Любопытно, кстати, узнать, откуда у нее этот фолиант! Уже две вещи, которые не полагается иметь при себе деревенской девке: брошь (Весьямиэль успел ее разглядеть, вещица выглядела необычно: на ней был выгравирован совершенно незнакомый герб, что-то вроде восходящего солнца в венке из колосьев, а на этом фоне — чей-то суровый профиль) и

книга, с которой эта сумасшедшая, похоже, не расставалась ни на минуту. Тяжеленный томище...

Весьямиэль снова потрогал висок и капризно произнес:

— Ну? Долго я буду ждать? Подай умыться!

Пока лесник заполошно метался по дому, соображал, в чем согреть воду (не холодной же господину умываться!), Весьямиэль мог спокойно поразмыслить. Что и говорить, сорвался он на эту блаженную безо всякого повода... если не считать таковым дурное настроение от ночевки на неудобной, слишком мягкой кровати (еще его, кажется, клоп укусил, а может, и блоха...). Толком заснуть ему удалось лишь под утро, и сразу же его разбудил грохот. Ну как тут не вызвериться на дурищу неповоротливую?

«А ведь неплохо вышло, — подумал Весьямиэль, третий раз прогоняя Яреука греть воду (слишком холодная, видите ли!). Вообще-то он и снегом мог умыться, это и для цвета лица полезнее, но выбранное амплуа не позволяло, приходилось чудить. — Спроси кто, этот бородатый расскажет именно то, что мне нужно...»

Наконец он изволил совершить утренний туалет, то бишь умылся, окончательно стерев краску с лица, поправил прическу, пришедшую в плачевное состояние после ночевки и столкновения с книжкой, обулся, накинул шубу и заявил Яреуку, что желает немедленно узнать, что все-таки происходит!

Вообще-то следовало потребовать подать старосту прямо к леснику в дом, но зарываться Весьямиэль не стал. Зато по дороге отыгрался и на Яреуке, и на девке, которая уныло тащилась позади и даже не задавала дурацких вопросов. Она, правда, еще раз попробовала извиниться за свой опрометчивый поступок, но Весьямиэль ее попытку проигнорировал. Зато заметил, что девка этим, похоже, огорчена, и пустил в ход все свое немалое актерское мастерство, симулируя страшнейшую головную боль. По правде сказать, ссадина и не беспокоила ничуть, но Весьямиэль с затаенным злорадством продолжал спектакль... Разумеется, Яреуку тоже перепало, но по другой причине: и лошади у него не имелось для благородного господина, не говоря уж о карете или хотя бы санях, и дорога к поселку не была расчищена, и идти далеко, и еще всякие мелочи!

Под конец путешествия Весьямиэль, правда, унялся — уж больно нехорошим взглядом начал на него посматривать лесник. Должно быть, не попадались ему такие уж капризные господа.

Перепутинск оказался довольно большим поселком, тут были не только избы, но попадались и дома в два этажа!

На явившихся из леса поглядывали без особого любопытства, из чего Весьямиэль сделал вывод: дело нечисто. В любом уважающем себя поселении вокруг незнакомцев мигом собралась бы толпа, а тут даже мальчишки провожали их совсем недолго. Один крикнул: «Дядька Яреук, новенькие, да?» Лесник в ответ состроил грозную физиономию, и мальчонку как ветром сдуло. Весьямиэль запомнил и это...

— Господин, вы обождите маленько, я только старосту упрежу, — скороговоркой выпалил он, когда они подошли к добротному дому, и исчез внутри.

Мужчина огляделся. Да, поселение не бедное, по всему видно...

Девка таращилась по сторонам и вроде бы что-то смекала: хмурилась, будто дома пересчитывала, посматривала на прохожих. Впрочем, Весьямиэлю было не до нее.

— Господин! — На пороге показался Яреук в сопровождении еще одного бородача. Тот был вдвое толще лесника, окладистая борода лежала на животе, как на подносе.

— Прощения просим, господин, что обождать пришлось, — кланяясь, загудел тот басом.

— Пустяки, — самым светским тоном ответил Весьямиэль. — Вот буквально каждый день только тем и занимаюсь, что жду под дверью всяких сиволапых!

Староста — а это, без сомнения, был именно он — поперхнулся заготовленной фразой и живо скатился по ступеням.

— Пойдемте, пойдемте в дом, господин. — На крыльцо он гостя едва ли не внес. — Что зря на морозе стоять!

— И правда! — саркастически произнес тот.

— А я?.. — подала голос девка.

— А ты обожди, — через плечо бросил ей староста. — Авось не залубенеешь. Яреук, пригляди тут...

В доме оказалось просторно и тепло — даже слишком, Весьямиэль не любил такую духоту, но деваться было некуда. Точно, богатый поселок, этакие хоромы отгрохали!

— Меня, стало быть, Ранеком кличут, по прозвищу Три Забора, староста я здешний, — бил староста, суется: усаживал на лавку, подсовывал подушки, принимал шубу — все самолично!

— Почему Три Забора? — рассеянно спросил мужчина.

— Да то старая история, господину неинтересно будет, — хмыкнул староста. — А можно ли имя господина узнать?

— Тебе на что? — поинтересовался Весьямиэль.

— Ну... положено так... — заморгал староста.

— Кем положено? — продолжал допрашивать тот невыносимо надменным тоном.

— Властелином, — сурово ответил староста и бухнул на стол громадную книжищу. Полоумная девка, увидев ее, наверняка удавилась бы от зависти.

Староста, открыв книжищу на середине, долго мусолил палец, переворачивал листы, наконец что-то сообразил, всплеснул руками, этот том убрал и вытащил другой, потоньше, в красном кожаном переплете. Тут исписано было всего несколько страниц. Староста добыл откуда-то чернильницу и перо, обстоятельно изготовился к письму и посмотрел на Весьямиэля.

— Уж извольте имечко, господин, — попросил он. — А то ж мне потом по шапке надают, как от властелина проверка прибудет!

— Ну что ж, пиши, — холодно ответил Весьямиэль, решив, что про властелина староста ему сам все расскажет. — Я граф Весьямиэль-зи-Нас'Туэрже адд'Карнай адд'Шианзу адд'Лианар адд'Вижезен... — Тут он сжалился над Ранеком, прилежно скрипевшим пером, и над собой: во-первых, полное имя со всеми титулами ему пришлось бы выговаривать еще минут пять, а во-вторых, он ужаснулся, представив, как староста мог записать его имя на слух. — Достаточно?

— А граф — это, стало быть, титулование такое? — проявил смекалку староста.

— Верно.

— А это насколько ниже самого главного правителя? — спросил тот.

— На две ступени, — ответил Весьямиэль, решив ничему не удивляться. В самом деле, откуда деревенщине в титулах разбираться! — А теперь, любезный, изволь объяснить, где это я и что произошло? И с какой стати ты моим именем интересуешься?

— Это, господин, разговор долгий... — Староста подул на страницу, убедился, что чернила высохли, и бережно убрал книгу на место.

— Я никуда не тороплюсь. — Мужчина поудобнее устроился на лавке. — Излагай!

Староста прокашлялся и начал повествование. По ходу его Весьямиэль таращил глаза, скептически хмыкал и всячески изображал неверие в происходящее.

А творилось в этих краях вот что... Перепутинск недаром так называли: он уж подметил — тут и перепутье, и путаница!

С давних времен в этих краях невесть откуда появлялись странные люди (а то и не люди вовсе). Ясное дело, поначалу крестьяне их боялись, бывало, убивали — что еще с чужаками делать? Кое-кто, впрочем, приживался... Но однажды слухи дошли до властелина. Тот немедленно прислал своих людей выяснить — что за незнакомцы, откуда, не шпионы ли? Те долго ломали головы, потом призвали на помощь самых лучших магов из столицы...

— Вы, господин, в магию-то верите? — опасливо спросил староста.

Весьямиэль неопределенно пожал плечами. При императорском дворе крутились маги, но в большинстве своем это были ловкие шарлатаны. Настоящие мастера о своем искусстве предпочитали не распространяться, знания передавались тайно и хранились в строжайшем секрете.

Итак, прибывшие маги сумели разобраться в происходящем: именно здесь, в лесу у Перепутинска (тогда еще Коровьего Брода), есть односторонняя волшебная дверь, через которую сюда попадают люди и нелюди отовсюду — кого с другого края света может занести, а кого и вовсе из иного мира!

Теорию о множественности миров Весьямиэль знал, считал, что она имеет право на существование, а сейчас, послушав, как спокойно говорит об этом полуграмотный бородач, и вовсе в нее уверовал.

— Кого только не бывало! — рассказывал Ранек. — И господа благородные, и дамы всякие, и крестьяне, и вовсе незнамо кто. Раз, при бате моем еще, занесло одного ростом в полберезы, весь в железе, молниями плюется — насилу угомонили!

Дело наладили. В лесу теперь постоянно дежурили лесники: нехорошо, если гость заплутает и пропадет. Всех доставляли в Перепутинск, несколько раз в год сюда прибывали люди от властелина, смотрели, что да как, и решали: оставить ли человека здесь или забрать в столицу. Благородных господ, ясное дело, увозили с собой, а крестьяне всякие неплохо приживались и в Перепутинске.

Последние властелины придумали, как можно использовать пришлецов! Среди них ведь и маги попадались, а незнакомые заклинания — это ж какое подспорье! Бывали и мастеровые, и изобретатели: благодаря им теперь вот прядильни механические построены, а в больших городах, рассказывают, даже самобеглые телеги есть!

— Вот девка ваша, — сказал староста, — крепкая, видать, работающая, может, тут останется! Найдется ей дело. А вы, господин, что умеете?

— Что я умею? — с неподражаемым сарказмом произнес Весьямиэль. — О, я кладезь талантов! Умею ездить верхом и фехтовать. Люблю охотиться — с загонщиками, разумеется. Прекрасно танцую, говорю на восьми языках — правда, боюсь, здесь это умение мне не пригодится. Могу выпить шесть бутылок вина и не захмелеть. Играю в вастрон, кагль и... словом, ты все равно не знаешь, что это. Умею музицировать и слагать стихи...

Староста как-то просветлел лицом: перед ним сидел настоящий благородный господин, теперь он в этом окончательно убедился.

— Так, господин, вам только людей властелина дожидаться, вас мигом в столицу отвезут, — сказал он. — А пока уж сделайте милость, побудьте гостем! Для пришлецов у нас

вот на постоялом дворе несколько комнат всегда свободны!

— С клопами? — Весьямиэль передернул плечами.

— Что вы, как можно! — оскорбился староста. — Лучшие маги от насекомых заговаривали! Ну, те комнаты, что для господ. Таких-то мало, видели, отдельную книгу для записи завести пришлось, красную, чтоб сразу понятно было! Ее еще прадед мой начал, а исписано всего ничего...

— Ну, выбора у меня нет, как я понимаю, — хмыкнул Весьямиэль. Ему очень хотелось узнать, зачем забирают в столицу благородных господ. Властелин с ними что, тонкости чужеземной политики обсуждает, что ли? Или незнакомые фехтовальные приемы разучивает? Но это можно было выяснить позднее, исподволь. — А что, вернуться назад можно? У меня там, видишь ли, дела имеются!

— Не слыхал я, как это бывает, — осторожно произнес староста. — Тут-то у нас дверь односторонняя, маги сказали, а что уж они сами умеют — то мне неведомо. Уж вы у них лучше спросите, не моего ума это дело.

— Непременно спрошу, — кивнул Весьямиэль. — Значит, комнаты. Сколько платить прикажешь, любезный?

— Что вы, что вы! — замахал руками Ранек. — То за деньги властелина! Что пожелаете, мигом будет! Ну, — добавил он, — если это не какие-нибудь рябчики с ананасьями...

— С чем-чем?..

— Яблоко такое заморское, — пояснил Ранек. — Один пришлец очень хотел попробовать, а откуда ж мы ему возьмем? Или другой еще соловьиных язычков жареных желал... А где мы ему посреди зимы соловьев наловим?

— Ну, я не столь прихотлив, — усмехнулся Весьямиэль и заговорил более развязно: — Но, любезный, мне нужна одежда! Не могу же я ходить в придворном камзоле ближайшую пару месяцев!

— Непременно портного к вам пришлю, и сапожки стачаем, как пожелаете, — кивнул Ранек.

— Тоже за счет властелина? — хмыкнул тот. — Знаешь, любезный, я лучше доплачу, но чтобы все было наилучшего качества!

— Не надо, не надо, узнают проверяющие, головы не сносить! — Ранек попытался отодвинуть золотую монету, но все же не устоял и спрятал ее, сделавшись совсем уж подобострастным. — Ежели что понадобится, господин, только скажите, мигом...

— Исполнишь, — завершил Весьямиэль. — Вот что, я не привык обходиться без слуги. Сыщется у тебя расторопный парень?

— Да вряд ли, — почесал в бороде Ранек. — Все ж работают, а кто не занят — тот обалдуй и лоботряс, а зачем господину бездельник?

— Да уж... — Весьямиэль поджал губы. — И что прикажешь делать? Самому себе постель стелить и рубашки стирать?..

— А вы, господин, девку эту в услужение возьмите! — предложил староста, подумав. — Тут ей дело найдется ли, нет, еще неизвестно, а так... постирать сумеет, прибрать тоже, ну и всяко проче, если... гхм... — Он выразительно закашлялся.

— Избавь! — поморщился Весьямиэль. — На нее взглянуть страшно... Попробуй уговорить кого-нибудь из деревенских, я заплачу. А теперь прикажи проводить меня на этот постоялый двор, после ваших дорог у меня ноги болят!

Весьямиэлю нужен был в слуги местный парень: его легко напоить и выпросить то, о

чем умалчивает староста, узнать слухи, сплетни... Словом, Весьямиэлю требовалась цельная картина, а она пока не складывалась. Почему он легко понимает местный язык и язык этой девки, если она тоже, скорее всего, из другого мира? Как здесь работает магия? Зачем властелину нездешние аристократы? Изобретатели, ученые — это понятно, но эти-то на что?

Впрочем, он рассчитывал разобраться во всем этом со временем. А его теперь было предостаточно.

Маша пребывала в полном недоумении: ее странный спутник ушел вместе с местным жителем, оставив девушку на улице с Яреуком.

«Девушек надо вперед пропускать, и, вообще, это не по-товарищески!» — обиженно подумала она, однако тут же вспомнила, что этот «господин» никакой ей не товарищ, а идейный противник!

Так что Маша сполна почувствовала себя представителем угнетаемого класса. Даже в теплом тулупе на улице было холодно, мороз ощутимо хватал за щеки, заставлял приплясывать на месте в тщетных попытках согреться. Ждать пришлось довольно долго, и девушка успела рассмотреть прохожих: женщины, все как одна, щеголяли в длинных юбках (чудно, ведь в брюках намного удобнее, и не поддувает!), мужчины были в разноцветных нарядах самых разных фасонов. Глядеть по сторонам было очень увлекательно, но и это надоело.

Лесник не обращал на нее никакого внимания, то и дело заводя оживленный разговор с кем-то из знакомых, и Маша заскучала. Входить без спросу в дом ей показалось неприличным, хотя все больше хотелось зайти погреться, да и поесть бы не мешало — после долгой прогулки по лесу аппетит разыгрался не на шутку.

Маша не привыкла бездельничать среди дня — ведь каждый должен работать и приносить пользу! — и теперь не знала, чем себя занять.

Вдруг девушка вспомнила, что у нее с собой есть сборник избранных сочинений Вождя, и сразу приободрилась.

Подумать только, Второй секретарь вручил ей этот подарок больше суток назад, а она до сих пор даже не открывала книгу! Маше стало стыдно за свое невольное пренебрежение, она поскорей извлекла драгоценный том из-под тулупа и с радостью погрузилась в чтение.

Да так увлеклась, что едва не пропустила момент, когда «господин» (имени его Маша по-прежнему не знала) наконец вышел из дома в сопровождении бородача. Не обращая внимания на девушку, Весьямиэль поинтересовался у Яреука, как пройти на постоянный двор. Лесник предложил показать дорогу, на что «классовый враг» только кивнул и важно проследовал за Яреуком, даже не взглянув на Машу.

Растерянная девушка вознамерилась было увязаться за ними следом, но ее окликнул староста (он самолично проводил гостя, даже помог спуститься по лестнице), который строго велел следовать за ним. Маша послушалась, хоть и с некоторым сомнением — несмотря на то что «господин» и был ей посторонним, однако расставаться с ним как-то не хотелось. Видимо, потому что остальных она вовсе не знала, а с ним они вроде как товарищи по несчастью.

Едва Маша прошла в дом, как ее сразу окутало блаженное тепло.

Бородач уселся за стол, Маша опустилась на лавку напротив него.

Тот достал откуда-то толстенную книгу (почти такую же внушительную, как избранные сочинения Вождя, чем девушка невольно восхитилась), открыл ее посередине и поднял

взгляд на Машу.

— Ты чего это расселась? — неприязненно буркнул он. — Ишь, расположилась, как благородная!

— Но ведь вы сели, не стоять же мне? — удивилась Маша.

— А и постоишь, не переломишься! — возмутился тот для порядка, разглядывая прищелицу. По правде сказать, девка была справная: статная, крепкая, кровь с молоком, хоть и господина графа тоже можно было понять — совсем простая на вид, ничуть не похожая на красавиц-аристократок. Фигуры не разглядеть толком, но на лицо вполне симпатичная, да и видно, что такая не помрет, дитенка рожая, как первая жена старосты.

«А и то, может, себе оставить?» — подумал он, задумчиво разглядывая Машу.

Даже не подозревая о матримониальных планах практичного старосты, та, в свою очередь, рассматривала его. Полный бородач больше всего напоминал откормленного борова, каких она видала в обхоze: вздернутый нос, маленькие глазки, лоснящееся нежно-розовое лицо, лишь борода и одежда являлись доказательством того, что он человек, да голос низкий, а вовсе не визгливый.

У Маши он сразу вызвал неприязнь, хоть это и нехорошо — судить о незнакомце только по внешности. Но она ничего не могла поделать — не располагал он к себе, и все тут!

Закончив играть в гляделки, бородач уткнулся в свою книгу и, видимо, приготовился что-то писать (раньше она видела такие странные письменные принадлежности только на картинках, кажется, они назывались «перья»).

Он больше не настаивал, чтобы Маша разговаривала с ним стоя, да и голос его как-то подобрел:

— Я староста тутошний, Ранеком кличут, по прозванию Три Забора. А ты кем будешь?

— Я Машинно-автоматическая швея номер триста семьдесят два, — послушно представилась девушка. Староста моргнул непонимающе, и она продолжила: — Ну Маша я, в общем.

— А, Маша! — обрадовался он, старательно записывая имя в свой талмуд. — А что ты умеешь делать?

— Я швея, передовик производства, между прочим! — гордо ответила девушка. Жаль, продемонстрировать значок не удалось (он так и остался приколотым к свитеру, а Маша сидела одетой, не рискуя снимать тулуп, хотя уже становилось жарко).

— Швея? — поскущел тот. — Такого добра и у нас хватает, всякая баба или девка в шитье разумеет. Ну да ладно, определю тебя пока в помощь портному, посмотрим, на что ты годна. Вот тебе еще пять медяков на обзаведение. Ясно тебе?

Маше ничего не было понятно, и, помявшись, она спросила:

— А кто такой портной и что такое медяки?

Староста посмотрел на нее, как на блаженную, но объяснил:

— Портной шьет одежду, а ты, стало быть, помощницей ему будешь. Хорошо работать станешь — он сам решит, сколько тебе платить. А медяк — это денъга такая, значит.

Денъги?! Конечно, Маша читала в учебниках, что это такое, но ведь их давно отменили! Разве возможно, что тут есть господа и еще денъги?

— Куда я попала?! — воскликнула она в отчаянии.

Ранек вздохнул — сколько раз ему уже приходилось рассказывать прищелям об этом — и в точности пересказал Маше ту же историю, что и всем до нее: про множественность миров и связь между ними.

Маша сидела, совершенно оглушенная свалившейся на нее информацией: им говорили на занятиях по политграмоте о борьбе за права трудящихся в разных мирах, но она даже предположить не могла, что сама очутится в одном из них, да притом в таком, где, по всей видимости, об общевизме даже не слыхали!

— Ну ладно, девка, некогда мне с тобой рассусоливать! — пробасил староста нетерпеливо. Он решил пока оставить Машу — пусть пообвыкнется, придет в себя, а потом, глядишь, и сойдутся поближе. — Ступай себе!

— А куда? — спросила девушка, послушно поднимаясь. — Скажите, где тут у вас общежитие, склад одежды, и еще мне столовая нужна!

Ранек нахмурился — странные вещи говорит эта девка, ну да ладно, пришлецы часто бывают не совсем нормальные, и немудрено.

— Топай в лавку Малуха, там тебе все объяснят! — велел он.

Маша удивленно смотрела на него: какая лавка, куда идти, она ведь на этой лавке сидит! И вообще, она ведь ясно сказала, что голодна, да и переодеться не мешало бы, а никакой одежды с собой у нее конечно же нет! Так что нужно, чтобы ей кто-то показал склад одежды и помог подобрать наряд по размеру (ей, наверное, придется теперь длинные юбки носить). Ну и еще всякие мелочи необходимы, вроде мыла и зубной щетки, где их взять?

В голове у девушки творился полный кавардак, она поняла, что ее занесло невесть куда, а вот что теперь делать — совершенно неясно!

Но отвечать на ее вопросы старосте явно было недосуг, так что он нетерпеливо кликнул мальчишку и, когда тот появился, буркнул:

— Отведи эту девку к портному, скажи, что подспорьем ему будет. Ступайте!

По-прежнему недоумевая, Маша взяла с лавки свою книгу, прижала ее к груди (не прятать же ее при Ранеке под одежду) и собралась уходить, когда староста ее окликнул:

— Эй, девка, ты грамотная будешь, что ль?

Маша ответила, снова изумляясь:

— Конечно!

В школе ведь учат!

— А что это у тебя за книга? — уже уважительнее спросил он. Женщина, умеющая писать и читать, — большая редкость! Такая, глядишь, и приход с расходом свести подмогнет, и в хозяйстве пригодится — по всему видать, работающая. Староста даже размышлялся, как будет не сам заносить все в книги, а девке диктовать — он видел, что благородные завсегда так делают.

— Это самая главная книга, — начала Маша тем временем. — В ней записаны слова Вождя и все-все объясняется: как жить нужно и что делать!

Ранек задумался — по всему выходило, что непростая это книга, раз в ней такие серьезные вещи пишут.

— А, так ты клиричка! — озарило его. Видя Машино недоумение, он пояснил: — Ну, по книге этой живешь и других учишь?

— Да! — обрадованно кивнула та.

— А как зовется твоя вера? — уточнил староста подозрительно. В их мире было многобожие, но имелся и список запрещенных культов, которые надлежало искоренять всеми возможными способами.

Маша не сразу поняла, о чем он толкует. Ах, ну да, он интересовался, во что она верит! Девушка гордо ответила:

— Я верю в общевизм и светлое будущее!

Староста облегченно вздохнул — такого верования среди недозволенных не числилось (а то жаль было б девку палачам отдавать, на нее другие планы имеются) — и разрешил:

— Ладно, можешь говорить о своем общевизме! А теперь иди!

Мальчишка нетерпеливо потянул Машу за рукав, и она послушно двинулась за ним, думая лишь о том, что этот странный Ранек, кажется, разрешил ей рассказывать всем об общевизме! Теперь она может провести митинг среди местного угнетенного народа и начать борьбу за права трудящихся! Сложная задача, очень ответственная, и Маша всю дорогу до лавки портного думала лишь о том, как правильно все сделать. Она волновалась, ведь никогда раньше ей не приходилось начинать все с нуля, но была готова защищать рабочий класс со всем пылом!

Призрак бродил по Перепутинску, призрак общевизма...

Глава 4

Новая жизнь

Мальчишка (он назвался Ливеком) привел Машу к двухэтажному дому. Далеко идти не пришлось — лавка (знать бы еще, почему дом называют так же, как мебель!) портного располагалась в центре поселка, в нескольких шагах от дома старосты.

Ливек уверенно распахнул дверь и бросил Маше:

— Ты проходи, только води себя тихо — Малух дерзких не любит!

Та понятно кивнула — конечно, она не станет грубить, в конце концов, ее всегда учили уважительно относиться к людям.

Удовлетворившись ее реакцией, мальчишка зашел в дом, а Маша последовала за ним. Перед ней открылась интересная картина: в просторном помещении (должно быть, под него был отведен весь первый этаж) была развешана одежда самых разнообразных фасонов и расцветок, и еще какие-то странные приспособления, назначения которых она даже представить не могла.

«И зачем столько всего? — недоумевала Маша. — Было бы тепло и удобно, а прочее — ненужная роскошь! Разве что на танцы вот пригодятся, и довольно!»

Но владелец всех этих тряпок явно придерживался иного мнения, и девушка не стала вслух говорить об этом, чтобы не обидеть незнакомого человека.

Сам Малух обнаружился за прилавком: худой мужчина с темными волосами и глазами, в профиль он был похож на печальную длинноносую птицу, и худые пальцы чем-то напоминали когти. Маша невольно попятилась, сжимая книгу (не так давно она убедилась, что это весьма грозное оружие), а тем временем мальчишка, не замечая ее состояния, приветливо обратился к владельцу лавки:

— Доброго денечка, дядька Малух! Вот, староста тебе помощницу прислал! — Он помолчал и добавил со значением: — Из пришлецов!

Тот только успел набрать воздуха, видимо, как раз собрался поинтересоваться, по какому поводу явились посетители, но, услышав это известие, сразу почему-то заулыбался, внимательно осматривая Машу:

— Ну, проходите, коль так!

Маша, преодолевая неожиданную робость, подошла к Малуху. Странно, она всегда считала себя бойкой девушкой, но в этом непонятном мире отчего-то терялась, не зная, что делать и как себя вести. Маша отнюдь не была душой, так что сразу уразумела: раз это другой мир, то и правила в нем другие (пока здесь еще не победила общевистская революция, конечно!). Если б она знала, насколько они отличались от законов ее страны!

Например, вскоре выяснилось, что староста и не думал шутить, сказав, что здесь используют деньги. Маше пришлось учиться их считать, хотя Малух и не доверял ей принимать оплату у покупателей, быстро смекнув, — пришелице неоткуда знать здешние цены, а народ в Перепутинске ушлый, мигом сообразит, как обвести ее вокруг пальца!

Да девушке вообще казалось диким, что за одежду нужно платить! Это же глупость, как можно требовать деньги за предметы первой необходимости?!

К тому же оказалось, что Маша мало чем может Малуху помочь — она ведь привыкла шить не вручную, а с помощью машин, и попросту не умела толком пользоваться здешними

допотопными приспособлениями! Ну, могла там пуговицу пришить или заплатку поставить, и все. Вот дайте ей любой станок, она вмиг разберется, что да как, а ковырять жесткую ткань иглой при свете лучины... это же каменный век какой-то! Она поражалась, как у портного выходят такие ровные швы: ну будто на машинке прострочил, до того стежки мелкие и аккуратные, не то что у нее — вкривь да вкось... Она старалась, но выходило все равно скверно, так что доверяли ей только подрубать края да распарывать, если приходилось.

Первое время девушку шпыняли все, начиная от господина Малуха и его дородной жены Валии и заканчивая их служанкой Вартой — рябой девицей примерно одних лет с Машей. Даже дети портного дразнили ее. Маше приходилось делать простую грязную работу, помогать всем одновременно.

Вставали тут до света — ну это еще ладно, у себя дома Маша тоже рано поднималась на работу. Нужно было живо растопить печь, а пока хозяйка готовит завтрак, натаскать воды из колодца (эту почетную обязанность Варта спихнула на чужачку-неумеху), вымести полы (а раз в неделю еще вымыть и выскоблить), перемыть оставленную с вечера посуду, задать корм скотине и птице... Вот к стряпне Машу не подпускали, поняв, что управляться с тяжелыми горшками она не умеет, а обучать показалось накладно — ведь перебьет все, а посуда денег стоит!

И так с утра до вечера, ни присесть, ни отдохнуть — дело всегда находилось, сложа руки никто не сидел!

Пришлось учиться разбираться в достоинствах разных монет, привыкать носить юбки и делать множество других вещей, которые раньше Маше не могли присниться даже в страшном сне. Хорошо, что девушка не была избалованной и привередливой, а то ей тяжело пришлось бы здесь: обитать в тесной каморке, есть простую, хоть и сытную еду, которая полагалась слугам (она каждый раз негодовала, слыша это отвратительное слово), ходить, опустив глаза...

Она научилась всему, твердя про себя каждый раз слова Вождя о том, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». А эта социальная система ей, мягко говоря, не нравилась, но выбирать не приходилось. Пока оставалось только думать о том, как бы изменить ее к лучшему!

Одному Маша так и не научилась — кланяться. За это ее однажды побила хмурая хозяйка, госпожа Валия, — не с той ноги встала, а тут еще служанка королевой ходит, спину лишний раз не согнет! Когда Валия подняла руку (вернее, веник) на Машу, та пришла в ужас: да как можно избивать других людей?! Ведь они такие же, как и ты сам, кто дал тебе право распоряжаться чужой судьбой, кто поставил выше других?! Маша этого не понимала и уже собралась уйти, когда вдруг осознала, что идти ей совершенно некуда. Не в лес же податься, в самом деле!

Пришлось остаться в доме портного, однако и позволить кому-либо бить ее Маша не могла (это означало бы полную потерю самоуважения!), а потому она начала носить с собой книгу Вождя в сумке, которую сама кое-как сшила из ненужных обрезков тканей.

Как-то госпожа Валия, в очередной раз пребывая в дурном настроении, замахнулась на Машу хлыстом (она обожала эту вещь, воображая себя, должно быть, укротительницей диких животных), но девушка поудобнее ухватила увесистый том и предупредила:

— Только попробуйте меня тронуть, я в долгу не останусь!

В голосе ее звучала такая мрачная решимость, что хозяйка отступила, так как уверилась — эта ненормальная не преминет исполнить свою угрозу. Но злобу затаила, да еще какую!

Тем более она начала замечать, что драгоценный муженек посматривает на новенькую служанку с неподдельным мужским интересом, так и шарит взглядом по ее прелестям. Для госпожи Валии это было совершенно непереносимо — в прошлом она была красавицей, но успела уже постареть и подурнеть, некогда соблазнительная фигура после родов оплыла и сделалась бесформенной. А тут муж засматривается на служанку, молодую и крепенькую, ну как такое перенести?! Госпожа Валия не упускала ни единой возможности упрекнуть Машу, так что той несладко жилось в доме портного. Девушка совершенно не понимала поведения злющей тетки, ведь Вождь учил, что собственнические отношения между мужчиной и женщиной — пережиток прошлого! Но хозяйка явно не собиралась от него избавляться и еще больше невзлюбила Машу. А когда та попыталась прочесть ей лекцию на эту тему, взяла да и заперла ее в чулане, а еще без ужина оставила! А что? Если битьем служанку не выучишь, то и другие пути найдутся!

Так и тянулись долгие зимние месяцы, и единственной отдушиной для Маши стало чтение сочинений Вождя, единомышленников пока у нее не было. Селяне отмахивались от девушки и считали общевистские идеи бредовыми, а то и вовсе прогоняли, обидно обзывая убогой и полоумной.

Вообще-то девушка всегда думала, что крестьяне и ремесленники при капитализме жили очень плохо и бедно, — так учили на уроках истории, — но это были какие-то другие люди! Здешние обитатели жили неплохо, угнетать их, судя по всему, никто не собирался, да и откровенных бедняков Маша не видела. У кого не было своего хозяйства, тот нанимался к зажиточному соседу. Конечно, все хотели жить лучше, но не желали ради этого чем-то жертвовать. Самый большой риск, на который они соглашались пойти, — так это купить телочку или бычка в чужой деревне! Что до роста благосостояния... Они готовы были вкалывать на своем поле с утра до ночи, по необходимости работали на общинном. Урожая не соберешь — нечем будет подати платить, тогда придется с себя портки снимать! Но вот делиться с бедными не желали совершенно. Что больше всего поражало Машу: даже те, кто выбился в середнячки из самых низов, кто еще не забыл, каково это — быть бедным, отказывались проявлять трудовую солидарность наотрез. Мы своим горбом себе все заработали, говорили они, а эти на готовенькое хотят? Нет уж, пускай трудятся до седьмого пота, а там видно будет, гожие это люди или нет!

Маша утешала себя тем, что сразу революции не делаются, нужна подготовка, и в редкие свободные часы проводила уроки политграмоты. На них, правда, приходило совсем мало народу, и то, как подозревала Маша, от скуки — долгими зимними вечерами заняться было особенно нечем, молодежь на посиделки собиралась, а кто постарше, особенно одинокие, не знали, куда себя деть. А тут и с соседями встретиться, и рукоделием каким-нибудь можно заняться в компании, пока рыжая девица бубнит что-то непонятное.

Несколько раз заглядывал староста, чтобы узнать, как идут у нее дела. А что она могла на это ответить? Конечно, будущее виделось ей не в самом радужном свете, в чем она честно призналась. Ранек покивал (почему-то с довольным видом) и туманно намекнул, что все может измениться, стоит ей только захотеть. Не пожелав сообщить подробности, он лишь загадочно усмехнулся и велел ей непременно быть на празднике начала лета.

Тут еще одна проблема прибавилась: на исходе зимы хозяин перешел от пассивного любования к активным действиям. Для начала он позвал Машу и непререкаемо велел:

— Ну-ка, надень вот это!

Девушка взяла предложенную вещь и удивилась — она нисколько не походила на

практичные коричневые и серые платья, которые ей приходилось здесь носить! Яркая голубая ткань, пусть и совсем простенькая, казалась осколком летнего неба среди хмурых туч и влекла к себе неодолимо, настолько, что у Маши не нашлось сил, чтобы отказаться примерить платье.

Выяснилось, что наряд очень к лицу девушке, вот только был он по здешним меркам бесстыдным — платье плотно облегало фигуру, да еще этот глубокий вырез на груди... Ужасное мещанство и вообще пошлость, Маша не ожидала от себя такого, но после долгой унылой зимы, после этих бесформенных платьев так хотелось надеть что-нибудь красивое! Еще бы на танцы пойти в Дом Культуры...

При виде Маши в обновке взгляд у Малуха сделался масляным, и девушка быстро смекнула, что к чему. К тому времени она уже пообвыкла и перестала бояться портного, хоть и не испытывала к нему особенно нежных чувств. Однако, как говорится, что естественно, то не безобразно, тем более уроки полового воспитания в школе проводили, да и кое-какой вполне приятный опыт у Маши имелся. Девушка невольно призадумалась: здесь у нее и возможности не было для удовлетворения естественных потребностей. Никаких особенных развлечений для молодежи, а тем более для слуг, в Перепутинске не предусматривалось, не считая вечерних посиделок. Были, конечно, праздничные дни, в которые устраивали гулянья, но до них было еще далеко. Так как же быть?

Госпожа Валия тоже мгновенно догадалась, к чему идет дело, обозвала Машу гулящей девкой (а та уже знала — здесь это означает то же, что и жду в родном мире, так что ничуть не обиделась), а потом устроила мужу грандиозный скандал с битьем тарелок и горшков.

Спустя пару дней супруги помирились, но Малух так и не оставил своих поползновений, хотя теперь уже старался делать это незаметно. Проще говоря, щипал Машу за бока в сенях и норовил прижать под лестницей.

Вот так и жила Маша, все лучше понимая, как прав был Вождь, повествуя о горькой судьбе рабочего класса!

Третий месяц... Третий месяц вынужденного безделья и затворничества — деваться в этой глухомани некуда. Кажется, хозяйка постоянного двора и прислуга терпели гостя с большим трудом: Весьямиэлю даже особенно притворяться не приходилось, злость он срывал на ни в чем не повинных людях.

Кое-что, впрочем, удалось разузнать и не выходя за пределы поселка: пару раз он удачно подпоил старосту. Сначала тот рассказал Весьямиэлю, как в этих краях принято титуловать знатных особ. Никаких графов и герцогов, конечно. Верховный правитель именовался Властелином мира. За ним следовали властители вершин, холмов и равнин. Особняком стояли властители недр и морей — с ними дело обстояло сложно, староста, правда, не смог объяснить, чем они отличаются от остальных. Весьямиэль прикинул, что его титул соответствует званию властителя холмов, и только хмыкнул — где они, те холмы!

В другой раз Весьямиэль наведлся к старосте в гости (тот едва не окочурился на месте от оказанной чести), напоил его вовсе до поросычьего визга и бесцеремонно заглянул в те книги, в которых Ранек вел учет прибывших из других миров. Разумеется, прежде всего Весьямиэля интересовала книга в красном переплете. Пролистав ее, он узнал, что за последние лет двести в этих краях оказались минимум двое его соотечественников — это если судить по именам. Наверняка были и другие, из простолюдинов, но этих он бы не взялся вычислять. Первый из путешественников был в Перепутинске лет этак сто назад, а

второй появился лет на десять позже. Вряд ли удастся отыскать их следы, но Восьмиэль все же запомнил имена — чего не бывает!

Потом он взялся за общий список и почерпнул из него немало интересного. Тут на полях кое-где имелись приписки — отец Ранека оказался любопытен и выспрашивал пришлецов подробно. Так и выяснилось, что через два года после некоего Итира Пуганого в Перепутинск явился Инор Пуганый, пришедшийся тому внуком. Вот только, по словам Итира, когда тот исчез, внук еще и головку деражать не начал, а в Перепутинске появился парень лет двадцати! Однако ж сомнения в их родстве не возникло, так и записал почтенный отец Ранека.

Ситуация нравилась Восьмиэлю все меньше и меньше. Получается, в разных мирах и время может идти по-разному? Здесь минуло два года, где-то еще — двадцать лет?

Думать о возвращении было неприятно. В то, что какой-нибудь маг сумеет отправить его точно в то место и время, откуда Восьмиэль попал сюда, он не верил, хотя и надеялся. А значит... Значит, появляться в родных краях ему просто опасно: он проигнорировал приглашение императрицы, а это, мягко говоря, не приветствовалось. Навряд ли удастся объяснить свое исчезновение, никто не поверит в путешествие в иной мир! Хорошо, что Восьмиэль заранее уладил кое-какие дела, приняв на себя обязанности, прежде выполняемые его дедом. Он по-прежнему имел право носить эту фамилию, но к роду уже не принадлежал. А стало быть, гнев императрицы должен был обрушиться на него одного, не затронув семейства. Впрочем, родные могли и постоять за себя...

Но чем гадать, что будет по возвращении, сперва нужно было это возвращение устроить, и Восьмиэль над этим работал.

По всему выходило, что нужно отправляться в столицу, в этой глуши он ничего не сможет сделать. Кое-какой информацией разжиться удалось, и на том спасибо.

Однако ехать в неизвестность ему вовсе не хотелось, поэтому Восьмиэль ломал голову над тем, для чего же властелину нужны такие, как он! Тот же пьяненький староста проговорился, что пришлецы одинаково хорошо понимают все местные языки, хоть здешний, хоть заморский, и говорить тоже могут, и читать. Вот с письмом возникают проблемы, а так, считай, любой пришлец — состоявшийся толмач с любого на любой язык. Другое дело, что он не знает обычаев, каких-то оборотов речи, но этому можно обучиться, и наверняка быстрее, чем выучить язык с нуля!

Так, может, властелину нужны толмачи? Причем хорошо понимающие, что именно и как они говорят? Приятно предполагать, что благородных людей из иных миров властелин приближает к себе или использует в качестве послов в других державах! С другой стороны, идея не самая глупая: здесь у них никого нет, они не связаны родством, дружбой, враждой, обещаниями и клятвами. Как знать, как знать... Это Восьмиэль рассчитывал прояснить на месте.

Пока же оставалось только так и этак перебирать попавшие ему в руки осколки мозаики — какова цельная картина, он даже вообразить не мог! Ну и заодно узнавать здешние обычаи, подсматривать, кто как себя ведет и почему.

В дверь постучали.

— Кого еще принесло? — недовольно спросил Восьмиэль. Ничем важным он не занимался, лежал по обыкновению на кровати и размышлял, но...

— Это Малух, господин, — угодливо произнесли из-за двери. — Портной... Вот, обновки ваши принес...

— Заходи, — разрешил тот.

За эти несколько недель Восьямиэль успел довести многих, но с портным это не срабатывало. Восьямиэль пообещал ему приплату сверх положенного от властелина, если он будет работать быстро и делать то, что скажет господин, а Малух настолько любил деньги, что готов был стерпеть любое унижение. Выносить его подобострастие оказалось тяжело, но одного у портного было не отнять — работал он хорошо, шил именно то, что требовал Восьямиэль, любой придворный щеголь бы позавидовал!

Конечно, пришлось обходиться без кружев и драгоценной отделки — к чему они в захолустье? Да и в дороге нужно что попроще.

Зная, что властелин не скупится, Восьямиэль уже обзавелся несколькими комплектами одежды, парой дюжин сорочек, а теперь вот портной принес на примерку очередной камзол, пошитый по местной моде (Восьямиэль подозревал, что моде этой не один год, но откуда Малуху было знать, как нынче одеваются в столице?).

На сей раз портной приволок с собой подручную, долговязую девицу в унылом сером платье — она тащила вещи (кроме камзола там еще кое-что имелось). Видно, прислуга, вон, глаз не поднимает, как в пол уставилась, так и стоит, молчит себе. Но это-то ерунда: наметанным взглядом Восьямиэль легко оценил, какие формы скрываются под этой кошмарной одеждой — талия тонкая, грудь высокая и аппетитная, причем все свое, это ж не придворная модница в корсете! Жаль, под дурацким чепцом не разглядеть толком лица, а то, может, девица страшна, как злой демон...

Мысли явно свернули куда-то не туда: давало о себе знать длительное воздержание, естество брало свое. Увы, Восьямиэль был слишком брезглив, чтобы польститься на местных служанок, хотя те так и стреляли глазками. Очень может быть, еще немного, и он позвал бы какую-нибудь из них, что почище, к себе в комнату...

Малух вертелся, подкалывал полы камзола тут, отпускал там и говорил без умолку. Девица помогала (по счастью, только что-нибудь держала и подавала за спиной у господина). Восьямиэль не любил болтунов, но портного терпел — тот порой выдавал что-нибудь любопытное. На этот раз, правда, не повезло — Малух говорил исключительно о наступающем празднике начала лета. Может, и стоит туда наведаться, решил Восьямиэль. Он бывал на подобных гуляньях в родных краях и знал, что в такие дни (и особенно ночи) все забывают об условностях и веселятся напропалую. Глядишь, удастся подцепить хорошенькую селяночку из тех, кого он еще не видал!

Наконец портной удалился, довольный донельзя — ему перепала еще одна монета. Наверно, он мысленно подсчитывал, сколько еще денег осталось у господина, но, конечно, правды не знал. Восьямиэль невольно усмехнулся: свой кошель он не трогал с момента прибытия сюда, с тех пор, как дал монету леснику. Он нашел источник дохода и беззастенчиво им пользовался... А что такого? Деньги понадобятся в столице!

Маше стоило большого труда хранить молчание. Она не сразу поняла, куда повел ее хозяин, нагрузив охапкой одежды, — самому тащить зазорно показалось! Потом по обрывкам фраз догадалась — это постоялый двор, слышала о нем. Зимой тут было не особенно многолюдно, обозы идут по осени, но здесь собирались местные жители: посидеть за кружечкой пива, поговорить о том о сем... Пьянство Маша решительно осуждала, ну а разговоры... Вот бы ей сюда наведаться вечером да провести среди этих бездельников разъяснительную работу! Глядишь, толк выйдет. Она уже начала подумывать о том, что надо

уйти от хозяина и наняться сюда хотя бы посудомойкой (вот как быстро она приучилась думать навроде местных!), как почувствовала щипок.

— Ты языком не мели! — прошипел Малух. — Веди себя пристойно, не то...

Он замахнулся, а Маша только вздохнула: Малух был ростом ей по ухо и куда мельче собственной жены, а Маша и ее не особенно боялась. И вообще, при ней была верная книга в холщовой сумке на поясе. Тяжело и не очень удобно, но Маша привыкла. Думала сперва соорудить заплечный мешок, но как из него быстро выхватить тяжелый том, если прижмут спиной к стене?

— Опозоришь меня — жрать не дам, — нашел новый аргумент Малух.

Маша погрустнела: она привыкла есть досыта, а тут и так прислугу кормили не очень хорошо, если же еще остаться без ужина... Варта вон под тюфяком сухари на такой случай прятала и сокрушалась, если до них добирались мыши, а Маша считала, что нехорошо держать еду в постели. Так и голодала, когда ее наказывали.

Она понятия не имела, к кому идет Малух, но, должно быть, к какой-то важной персоне: перед поселковыми он так не трепетал. Интересно, кто там?

— Заходи, — разрешил мужской голос, и портной просочился в едва приоткрытую дверь.

Маша бы в такую щель не протиснулась, поэтому толкнула дверь крутым бедром, — руки были заняты, — вошла следом и встала у порога, как было велено.

Смотреть вокруг не хотелось, опять же Малух сказал ей не таращиться по сторонам и вести себя прилично, так что Маша сосредоточилась на своей ноше: целой горе сорочек, и белых, и цветных (портной ахал и вздыхал, пока шил, тут такого не носили!), прочих тряпок... Малух суетился вокруг, выхватывал то одну вещь, то другую, а заказчик только отдавал команды тягучим неприятным голосом. Маше показалось, будто она уже его слышала и, улучив момент, когда Малух отошел, она поглядела на заказчика.

Тот стоял спиной, но не признать его было нельзя — по гриве завитых золотых волос, спадающих до самого пояса! Значит, ее случайный попутчик тоже остался в Перепутинске? Но только Маша возит грязь и выслушивает брань хозяев, а перед этим вот... как его назвать-то? (Маша уже узнала много непристойных ругательств, но не пускала их в ход, считала, что это недопустимо.) В общем, перед этим белобрысым Малух только что не стелился, крутился вокруг и повизгивал по-собачьи, а хвостом не вертел исключительно по причине отсутствия оного!

От несправедливости у Маши даже слезы на глаза навернулись. Вот вам классовое общество во всей красе! Она, работающая девушка, передовик производства, подвергается унижениям и оскорблениям, а этот вот... праздный элемент живет на всем готовеньком, одежду ему шьют, угождают... Отвратительно! И как все окружающие не видят, что это неправильно? Почему ее не слушают?!

Тут еще хозяин велел помогать — то булавки ему подавай, то тесьму, то еще что, а потом пришлось придержать волосы господина, чтобы не мешали. (Хорошо, что тот спиной стоял, а то Маша бы не удержалась и высказала ему в лицо все, что думала!) Делать это было неприятно — волосы оказались тяжелые, скользкие, будто живые, Маша даже руку украдкой о подол вытерла, когда ей велели отойти.

Теперь-то она поняла, о ком поговаривали в Перепутинске! А слухи ходили такие: на постоялом дворе поселился какой-то заезжий господин, скучает сильно, а потому кутит. Компании подходящей у него нет, вот он и привечает всех подряд. Научил местных мужиков

играть в какую-то заморскую игру на деньги, те и просиживают там все вечера напролет! А господин, ясное дело, выигрывает, потому что игру эту знает как свои пять пальцев, а мужики только-только правила выучили! Конечно, обдирает их как липку, а на вырученные медяки их же и поит. Правда, все сходились на том, что эти пьянчужки так и так бы свои денежки потратили, но Маша считала такое поведение предосудительным. Алкоголизм — болезнь, но азартные игры — это настоящий бич! Почему староста не запретит подобное, не выгонит приезжего из Перепутинска?..

Вот, значит, почему! Потому что это... важный господин, которого должны отправить в столицу, а до тех пор ему все позволено!

Маша кипела, как котелок с супом на огне, и сдерживалась из последних сил. Едва дождалась, пока Малух распрощается с заказчиком, и вперед хозяйина выскочила за дверь.

— Ты чего красная такая? — спросил тот, подозрительно глядя на нее снизу вверх, и больно ущипнул за руку. — На господина загляделась, поди? И-и, девка, не про твою он честь! Знай свое место! Что, угадал я?

— Нет... — выдавила Маша. Не правду же ему говорить! — Мне... до ветру надо!

— Тьфу ты! — плюнул Малух. — Все у тебя не как у людей! Иди уж...

Маша скрылась с хозяйских глаз и вздохнула с облегчением. Эх, вот кем бы надо заняться в первую очередь — господами этими! Но разве в одиночку что получится? А боевых товарищей, с которыми и в разведку можно пойти, и революцию устроить, у нее, как ни горько было признаться самой себе, так и не завелось. Варта — та думала только о парнях да нарядах и слышать не желала о всякой зауми. С другими слугами Маша общалась мало — у всех было полно работы, не до праздных разговоров. По вечерам они, бывало, собирались где-то на посиделки, но Машу не звали. Она пробовала разок напроситься, но ничего хорошего не вышло: сидели в конюшне, почти в темноте, парни постоянно тискали девчонок, те визжали и вырывались, но для виду, не всерьез. Парни гоготали и выламывались, отпускали непристойные шуточки, девчонки хохотали, и все без исключения выпивали. Маше тоже поднесли стаканчик, она думала — вода, глотнула и чуть не задохнулась! Все потешались, а она едва до дома доплелась — голова пошла кругом. Так она больше и не ходила на посиделки, не до политических бесед там было...

Оставалась одна надежда: скоро лето, вечера станут светлые и теплые, люди не будут прятаться по домам. Маша слышала, летом молодежь гуляет за околицей, костры жгут, песни поют, ну, почти как у них было! Вот там-то, может, что и получится.

А еще приедут ведь люди местного правителя! Маша пока не знала, надо ли ей в столицу: революции ведь не в верхах творятся, начинать надо с рабочего люда. С другой стороны, оставаться в Перепутинске она тоже не желала. Нужно попасть в город, решила она. Люди там наверняка образованнее. Здешние в большинстве своем и читать не умеют! Машу удивляло и даже пугало: как так можно, ведь без грамоты нет жизни! Но вот жили, и неплохо.

«Дождусь лета, — решила она. — Там будет видно...»

Глава 5

Выбор женщины

Лето, по местным понятиям, следовало непременно встречать весело и шумно — потом времени на гулянки и танцы попросту не останется, так что нужно было воспользоваться случаем и повеселиться как следует. И природа тогда не останется в долгу, отблагодарит хорошей погодой и прекрасным урожаем.

Маша считала это все глупыми предрассудками, ведь нет на свете никаких богов, однако жители Перепутинска не стали бы слушать ее доводов. Здесь все просто: есть боги, созданный ими мир и люди, населяющие его, и со всеми нужно как-то уживаться. Вот и старались местные ладить и с землей, и с водой, и с воздухом, и с огнем, а уж тем более с могущественными богами, благо почитание их не требовало особенных усилий или чрезмерных затрат. Есть четыре времени года, и каждое принадлежит своему богу: Вилайя, вечно юная богиня весны с фиалковыми глазами и нежной улыбкой; Карейн, лукавый владыка лета, которого любят изображать с венком из колосьев и голубыми-голубыми, как июльское небо, глазами; Тарейна, богиня благодатной осени, в чьих рыжих косах чудятся отблески оранжевых листьев, а глаза цвета спелых лесных орехов; Ирвейн, властный господин зимы, седой и сероглазый, — вот и все здешние боги. С приходом каждого сезона требовалось выказать уважение его божеству — что тут непонятного? Им не нужны ни храмы, ни богослужения, как учили Машу в школе, а всего лишь торжественное чествование раз в году для каждого бога — совсем немного, по мнению местных, за божественную помощь.

Вот и праздновали в Перепутинске, как заповедали предки, четыре великих праздника в году.

Во время весеннего праздника Маша была наказана за какую-то провинность (и не упомнишь, сколько она их совершила поначалу). Быть может, и сейчас девушка не решилась бы пойти на гулянье по случаю летнего праздника (не до веселья ей было, если уж честно), но староста велел непременно быть, так что Маша скрепя сердце принялась собираться.

Все местные девицы старались приодеться получше, так что работы у портного перед торжеством оказалось по горло. Маша уже немного освоилась и теперь нередко помогала Малуху по мелочам в шитье, хотя доверяли ей по-прежнему лишь самое простое. Но все равно она умоталась до изнеможения, хорошо хоть накануне праздника полагалось пораньше улечься спать, так что девушка успела немного отдохнуть.

Особенно нарядной одежды у Маши не водилось (да и откуда ей взяться?), разве что единственное яркое платье, подарок портного.

Боги велят в светлый день не ругаться и не сквернословить, радоваться жизни и быть милосердным к другим, так что даже хозяйка, вопреки обыкновению, вела себя почти по-доброму и отпустила Машу пораньше. Вот только господин Малух и его семейство на празднование не пошли: в общем-то вовсе и не обязательно идти на общую гулянку, хоть и мало кто оставался дома. Но девушке от этого только спокойнее стало, так что она лишь молча порадовалась упорному нежеланию госпожи Валии отпускать мужа одного — уж больно навязчиво сладострастен был последнее время портной.

Но думать об этом в такой день не хотелось, так что Маша выбросила из головы

господина Малуха и его жену, твердо решив хоть один-единственный вечерок посвятить беззаботному веселью.

Остальные жители Перепутинска тоже были не прочь повеселиться, и праздник постепенно набирал обороты.

Для всяких торжеств, как дней богов, так и прочих, вроде свадеб, на околице поселка отвели специальную площадку, где врыли деревянные лавки и столы, нынче покрытые небеленым полотном. Чуть в стороне имелась небольшая рощица, если это можно так назвать, поскольку растений было всего четыре, да еще и посажены они на некотором расстоянии друг от друга: березка, сосна, яблоня и рябина. Варта объяснила как-то Маше, что эти деревья — священные символы времен года: приход весны отмечают, когда под корой березы побежит сок; летом, как сейчас, украшают яблоню; осенью наступает черед рябины, которая поспевает этой хмурой порой; ну а сосна — дерево зимы.

Сначала, как положено, с прибаутками украсили яркими разноцветными ленточками красавицу-яблоньку, сплошь покрытую нежно-розовым цветом, а потом сели за столы, уставленные разной снедью. Здесь принято было всем поселком скидываться на угощение (госпожа Валя еще, помнится, ворчала, что на праздник они, дескать, не пойдут, а деньгу все равно плати), и не было разных столов для богатых и бедных, в такой день все сидели вперемешку.

Пиво и напитки покрепче лились рекой, и вскоре народ потянуло танцевать.

По обычаю, молодежь должна водить хороводы вокруг украшенной яблоньки, славословить лето, а потом, ночью, прыгать через пламя костра — на счастье. Маша посчитала этот обычай очень опасным, но ничего не сказала — вряд ли бы ее тут кто понял правильно.

Веселье бушевало вовсю, Маша сразу же раскраснелась, частью от танцев, а частью от пива — она и рада была бы пить что другое, да вот беда, здесь не подавали ничего безалкогольного. Девушка вместе со всеми повторяла нехитрые движения танца и подпевала (а голос у нее был красивый, да и раньше она любила петь с подругами).

Постепенно и люди постарше присоединились к разудалым пляскам.

Маша была совершенно счастлива, улыбаясь всем окружающим. От танцев и выпитого немного кружилась голова, и девушка готова была обнять весь мир, ей казалось, что все чудесно, будто она вернулась домой, в родной Верхнешвейск: вкусная еда, танцы до упаду, веселые, добрые и милые люди...

И вдруг она почувствовала, как чья-то рука игриво ущипнула ее за мягкое место.

Даже легкий хмель не помешал Маше возмутиться:

— Да как вы смеете!

Она стремительно обернулась и узрела нахала, который посмел так бесстыже ее коснуться.

— Не ломайся, красавица, не обижу! — усмехнулся мужчина флигельно. — Пойдем-ка...

Он запнулся, видно, только сейчас разглядев, кто перед ним. Ошеломленная Маша поняла, что к ней приставал ее давний знакомец, «благородный господин», с которым она столкнулась в лесу сразу по прибытии в этот мир.

«Наверняка он просто не узнал меня в этом платье!» — поняла Маша.

— Это ты?.. — процедил мужчина, окидывая ее с ног до головы откровенным взглядом. — А ты здесь неплохо устроилась, приделалась, вижу...

Он гнусно ухмыльнулся, и Маша поняла, что он имел в виду. Она уже знала, что здесь профессия жду считается унижительной, и нетрудно было догадаться, что «благородный господин» намеренно ее оскорбляет.

— Это не ваше дело, как и где я живу! — выпалила она негодуя, от обиды забывая, что все здесь обстоит не так, как в ее родном мире, и за дерзость дворянину ее по голове не погладят.

К счастью, тот и не подумал применить силу.

— Это уж точно меня не касается, — бросил он надменно и усмехнулся как-то очень обидно. — Я объедками не интересуюсь.

Развернулся и ушел, оставив Машу в одиночестве. И неважно, что вокруг веселились люди, она вдруг почувствовала себя так плохо, что ей захотелось плакать.

Настроение было испорчено окончательно и бесповоротно. А она так радовалась теплему дню, тому, что можно наконец красоваться в лазоревом платье! И даже ненавистный чепец тоже можно снять, потому что праздник, все девушки распустили волосы, только замужние их прячут. Волосы у Маши успели немного отрасти, красиво лежали на плечах. Понятно, нефункционально, неудобно, у них на фабрике многие девушки стриглись совсем коротко или даже брили головы, но... Снова откуда-то появилось в Маше это пошлое, мещанское — приятно было сознавать, что она не хуже прочих! Правда, вот с той блондинкой ей не сравниться, у нее косы до пояса. Ну и ладно, у многих других волосенки вовсе жиденькие, а у нее пусть жесткие, зато красивые! А если надеть венок из синих первоцветов, так и вовсе здорово получится!

Но это все чушь, главное, было весело впервые за долгое время и Машу не гнали, принимали в круг, и даже симпатичные парни с ней плясали... Танцы тут были незамысловатые: два прихлопа, три притопа, игры — тоже простые, Маша мигом выучилась, и ей это даже понравилось, наверно, ее подружкам с фабрики тоже пришлось бы по душе... И надо ж было подкрасться этому... озабоченному! Правда, грело душу осознание того, что и у белобрысого настроение испортилось — его аж перекосило, когда Маша обернулась, и он ее узнал. Наверно, рассчитывал поразвлечься, а не вышло, вот и взбесился. Правильно, какая же нормальная девушка с таким пойдет? Только жду, а тут таких совсем мало.

Погруженная в такие мысли, Маша понуро стояла под березой (дома росли почти такие же, только у здешних кора была белоснежная, а у нее на родине — желтоватая), вертела в руках букетик весенних цветов. Хотела сплести венок, да не стала, настроения не было.

— Маша? — ласково пробасил кто-то у нее над ухом.

Повернувшись, девушка увидела старосту. Тот по случаю праздника принарядился, щеголял в красной рубахе, поверх красовался богато вышитый кафтан до пят, на ногах — сапоги из хорошей кожи, со скрипом, полосатые штаны заправлены в них шикарно, с напуском. Борода расчесана на две стороны, маленькие свинячьи глазки смотрят хитро, с намеком.

— Господин Ранек, — кивнула она. Уже усвоила, кого надо называть господином!

— Веселишься, Маша? — спросил он. Дождался утвердительного кивка и продолжил: — А мне вот грустно!

— Отчего это? — наивно спросила она.

— Никто меня не любит, — вздохнул староста. — Жена померла, дети из гнезда разлетелись. Один я на белом свете!

Маша пожалела беднягу: в такой хороший день думать о печальном не дело!

— Неужели не найдется хорошей женщины, которая согласилась бы быть вам... женой? — Она вовремя заменила слово «партнер» на более привычное в этих краях.

— Вот и я думаю, — подхватил Ранек. Глупая девка сама шла в его руки! Ба, да так уж ли она глупа? Играет просто, выкобенивается! Это было ему по нраву, и староста продолжил: — Наверняка найдется!

— Я тоже так думаю, — вежливо сказала Маша. — У вас все будет хорошо!

— Добрая ты девка, Маша, — произнес Ранек и что-то вынул из кармана. — Вот тебе за ласку, носи на здоровье!

— Что это? — Девушка с любопытством посмотрела на то, что староста положил ей в ладонь. Проволочка, на ней бусинка, ярко-голубая, в цвет платья. Да это же сережки! Девчата у них на фабрике, бывало, прокалывали уши, вдевали стальные колечки — это считалось ужасно модным и даже вызывающим, за это ругали на собраниях трудового коллектива. А тут серьги все девушки носят, и никого это не удивляет. Как интересно! — Ой, спасибо, только у меня даже уши не проколоты...

— Это не беда, — еще более ласково произнес Ранек. — Проткнешь. Иголку вон на огне прокали — только и всего. А тебе они пойдут, Маша, специально к твоим глазам подбирал, синенькие!

— Спасибо, — повторила она, смущаясь. — Так неожиданно и вообще... не привыкла я...

— Неужто такой красивой девке никто подарков не дарил? — поразился староста. — Ну! Молодежь пошла — ничего не смыслят! Ты тех, кто постарше, держись, они-то знают, как бабам потрафить, поняла? — Тут Ранек взял Машу за руку и пожал со значением. Он понизил голос: — Приходи вечером ко мне, поняла?

— Зачем? — удивилась девушка, но тут же сообразила. Вспомнила взгляды, которыми окидывал ее староста при встрече, вспомнила, как смотрел он на нее сегодня... Дареные сережки обжигали ладонь. — Я... нет, извините, я не приду.

— Чего ломаться вздумала? — Тон старосты разом сменился с ласкового на суровый, он стиснул Машину руку до боли: — Не дури, девка, ты тут никто! А моей будешь — одену краше благородной, а то и женюсь! Ну?

— Я должна попасть в город, — четко ответила Маша, рывком высвобождая руку. Как нарочно, книгу сегодня оставила дома, не подходила сумка к платью! — Как только приедут люди этого вашего властелина, я с ними отправлюсь!

— А кто тебе позволит? — нахмурился Ранек. — Скажу, что ты местная, только умом тронулась, все подтвердят. Больно надо кому разбираться! — Он снова подобрел. — А уважишь меня, миром отпущу... коли сама захочешь! Думай до завтра... Маша, — добавил он, видя, что их беседа привлекает внимание. — Сегодня уж веселись, так и быть, а завтра чтоб явилась, не то худо будет!

Он отошел, а Маша в изнеможении прислонилась спиной к березе. Да что ж это такое, с ума они все посходили, что ли?! Или слишком много выпили? Вот уж точно, алкоголь — зло!

Она посмотрела на зажатые в руке сережки. Хотела бросить их наземь, но передумала — нужно вернуть дарителю, и вообще, нехорошо, кто-то их делал, старался, а она под ноги кинет! Неуважение к мастеру получается... Да и жалко — красивые все-таки.

Остаться на празднике настроения больше не было. Так и не дождавшись больших костров и хороводов, Маша поплелась домой. И дома-то своего у нее не было, каморка в доме портного, и только! А если староста прикажет, тот ее на улицу выгонит, очень даже просто, и

что тогда делать? Под забором ночевать? Но согласиться на предложение Ранека — себя не уважать! Настоящая общевистка не боится трудностей, припомнила Маша. Уж лучше ночевать на улице, чем служить игрушкой развратного мужика!

Приободрившись, она прибавила шаг и налетела на хозяина. Хотела было пробраться к себе, но не тут-то было!

— Ты чего не на гуляньях? — спросил Малух подозрительно.

— А вы? — ляпнула Маша, не подумав. Ведь слышала, что портного не пустила жена, чтоб на девок не засматривался, надо ж было сболтнуть! Конечно, он теперь рассердится...

Но, против ожиданий, Малух не осерчал, а взял Машу под локоть и отвел в сторонку.

— Вы чего? — удивилась она.

— Послушай-ка, — тихо-тихо сказал портной. — Ты, Маша, девка справная, а я мужик еще молодой... Жена у меня сама видишь какая, ну тут уж ничего не поделать, помирать вместе будем, дети опять же... Но до чего другого — тут я охотник большой, а ей-то уж оно ни к чему! Вот я и подумал — ты ж тоже одна, парня у тебя нет, я бы знал, так чего ж мы время даром теряем?

Маша остолбенела, слушая такие речи. И этот туда же! Сговорились, что ли?!

— В общем, приходи ночью на сеновал, — распорядился Малух. — Варту выгоню, дура она, одну тебя оставлю...

«Значит, днем он будет меня эксплуатировать в мастерской — работать буду за двоих, потому что Варты не будет, а ночью — на сеновале?!» — мелькнуло в голове у Маши, и она снова пожалела, что оставила книгу под подушкой.

— Ну? — поторопил портной.

— Не приду! — отчеканила Маша. Дороги обратно не было, но она больше не могла выносить издевательств. Теперь-то она хорошо понимала, что чувствовали те, кто поднимался против тиранов и угнетателей! Они еще долго терпели! — И вообще, я расчет у вас беру!

— Чего-о? — вытаращился на нее Малух. — Ты чего несешь такое?

— А то, что ухожу я от вас, — ответила она. «Сказать про старосту или не сказать?» Подумав, Маша решила, что не стоит. — Не хочу на вас работать!

— Тю! — рассмеялся Малух. — Да кто ж тебя отпустит!

— Я имею право уволиться! — нахмурилась девушка.

— Да, только сперва расплатись за все, что съела и выпила в моем доме! — Взгляд Малуха сделался недобрый. — Это вот платье, что на тебе надето, я шил! Сказать, сколько стоит? И прочее, что ты сносила? Да на тебе нитки своей нету, все мое! А посуды ты сколько перебила? А ниток испортила? А иголок потеряла? За все ведь деньги плачены!

Маша онемела от такого... такого... слова-то не подобрать! Конечно, первым ее порывом было сказать, что она все вернет, но девушка вовремя спохватилась. Как же! Поработаешь еще годик бесплатно, тебе счет вдвое длиннее выставят! Вовсе уж наивной Маша не была и такие вещи понимала. Но как же быть?

— А я господину Ранеку пожалуюсь, — сказала она, решив пустить в ход последний аргумент. Противно, а что делать? — Он мне сережки сегодня подарил!

— С Ранеком я уж потолкую, — хмыкнул портной. — Сторгуемся! Он мне твои долги, я ему — тебя на пару ночек! Первый раз, что ли?

Маша онемела. Вот так дела! Да у них тут... рабство какое-то!

— Иди думай. — Малух толкнул ее к дому. — Завтра скажешь, что решила. Моя

будешь... или общая. Общая-то выгоднее, да Ранек, такой паскудник, вечно обмануть норовит...

Девушка поплелась к дому, едва передвигая ноги. Похоже, она угодила в совершенно безвыходную ситуацию! И, главное, не к кому обратиться за помощью. Сказать хозяйке, что ее муж к Маше пристаёт? Так ее же и обвинят. И выгонят. От портного она избавится, а от старосты — нет. Самой уйти? А куда? Староста сказал — объявит умалишенной, и дело с концом. Тут таких не жаловали, Маша навидалась, их за людей вовсе не считали! И не сбежишь...

Хозяйка встретила ее бранью, сказала, что Машу, должно быть, на гуляньях и не заметили, вот она и явилась домой так рано. Девушка только мрачно усмехнулась — заметили, да еще как! Хоть бы вовсе туда не ходила.

Полночи она проворочалась без сна, прикидывая так и этак, что же делать дальше. Избавиться сразу от обоих почитателей ее... хм... красоты возможности не было. Если портного можно как-то окоротить, то от старосты не отделаешься, у него власть есть! Теперь Маша понимала, насколько мудро устроено управление в ее мире: ни у кого нет единоличного права распоряжаться другими! И правильно, а то вот к каким последствиям это приводит.

Она уже поняла: в этом мире бояться тех, кто сильнее. Необязательно физически, кстати. Вот Варта боится портного, а портной опасается жены (та может прибить, правда) и старосты (этот легко напакостит, и его все поддержат). А староста никого не боится, нет на него управы! Разве что мифический властелин, но где он? Где его люди, когда приедут? И поверят ли, что эта вот замарашка — настоящая общевистка из доброго и светлого мира?.. Ой, вряд ли!

«Староста заискивает перед благородными, — сообразила вдруг Маша. Она давно уже отодвинула подушку и положила голову на книгу Вождя. Наверно, это его мудрость коснулась разума бедной девушки! — Я слышала, боится он этих вот приезжих от властелина... Вообще высокопоставленных! Знать бы, где здешний... кто тут, барон какой-нибудь, наверно? Где он живет, интересно? Я бы пошла и пожаловалась на самоуправство!»

Тут Маша поняла, что ее и на порог дома барона вряд ли пустят, и снова приуныла. Не было тут благородных господ, которые могли бы приструнить старосту, а и оказались бы — вряд ли бы им нашлось дело до Маши!

«Господ?.. — снова осенило ее. Нет, мудрость Вождя действительно была с нею! — Но есть ведь один господин!»

Да, «господин» имелся в наличии, и староста не осмеливался перечить ему, когда тот пьянствовал и учил деревенских азартным играм. Вот только захочет ли он помочь?..

Но выбора не было. Промучившись до рассвета, Маша решилась. Уходить надо было тихо, поэтому она взяла с собой только самое ценное и необходимое: книгу, смену белья, кое-что из старой своей одежды да голубое платье (не смогла с ним расстаться!). Жаль было оставлять тулуп и валенки, но унести их Маша не могла — узел получился бы слишком уж заметным. Сразу же к старому своему знакомцу она не пошла, знала уже понаслышке, что благородные господа с рассветом не поднимаются. Однако долго тянуть тоже было нельзя, скоро портной ее хватится.

Удивительно, ее никто не остановил. Дорогу она хорошо запомнила с того раза, как была тут с хозяином. Бывшим хозяином, подлым сатрапом и эксплуататором!

Вот, наконец, дверь... Маша постояла, собираясь с духом, потом подняла руку и

постучала.

— Кого еще принесло? — раздался капризный голос.

— Я... — У девушки пересохло в горле.

— Ну, входи, кто там? — нелюбезно пригласил хозяин комнаты, и Маша вошла и застыла на пороге.

Окна в комнате были распахнуты настежь — девушка уж позабыла, что такое бывает, тут боялись сквозняков и затыкали все щели, жили в духоте. Белобрысый сидел на кровати в одних штанах и рубашке и сушил распущенные волосы — они укрывали его, как плащом, влажные пряди змеились, обвивали запястья... Маша припомнила, каково держать их в руках, и невольно передернулась. Мужчина же обращался со своими волосами, как с живым существом: гладил, перебирал пряди, расчесывал... Драгоценные заколки сверкающей горкой лежали на столике.

— Ничего себе! — хмыкнул он, разглядев, кто пожаловал. — Ты что ж это, передумала?

— Передумала, — кивнула Маша. Пускай шутит, он ее последняя надежда!

— Я тоже передумал, — холодно ответил мужчина. Повернул голову — волосы вспыхнули золотом. — Так что проваливай.

Маша посмотрела на него внимательнее. При первой встрече он показался ей сказочно красивым, ну да тогда она не знала о его гнилой сути! Теперь она могла как следует рассмотреть его при свете дня, безо всяких украшений... И его-то она сочла красивым?! Лицо узкое, только скулы выдаются, напоминает морду хорька, такое же хищное. Подбородок острый, нос длинный, глаза раскосые, недобрые, губы сжаты в тонкую линию. А ресницы и брови — теперь ясно видно — не такие уж темные, он их точно подкрашивал! И бледный-бледный, ни следа румянца на щеках! «Это, должно быть, оттого, что он предается разврату и порокам», — решила Маша. Она не очень хорошо представляла себе, что входит в эти понятия, но так писали в книгах, а печатному слову она привыкла верить.

И теперь она поняла, почему про всяких там аристократов говорили «голубая кровь»: у белобрысого на руках вены просвечивали сквозь кожу, голубые такие... У нее-то самой руки сильные, обветренные, загорелые, — все время на открытом воздухе! Да она его за руку возьмет — переломит!

— Я что, непонятно выразился? — подал голос белобрысый. — Я велел тебе убратся с глаз моих!

— Можно я останусь? — попросила Маша. Ужасно унижительно было умолять этого недобитого капиталиста, но другого выхода она не видела! — Пожалуйста, я очень вас прошу...

Белобрысый аж расческу выронил от удивления. Вытаращился на Машу, понял, что она не шутит, и спросил:

— Это с чего ты вдруг? Случилось что?

— Случилось, — кивнула Маша.

— Вчера на празднике ты была вполне довольна жизнью, — раздумчиво произнес белобрысый. — Значит, это что-то случилось уже после того, как мы с тобой... хм... расстались. Так в чем дело?

— Они... — Маша шмыгнула носом. — Они все меня хотят!

— Кто — все? — уточнил белобрысый.

— Хозяин мой, Малух, — ответила девушка, — и староста!

— Двое — это еще не все, — сообщил белобрысый без тени улыбки. — «Все хотят» —

это означает, что любая особь мужского пола испытывает по отношению к тебе определенные желания. Так вот, заявлять подобное по меньшей мере самонадеянно, потому что я, к примеру, тебя вовсе не хочу!

«Издевается!» — поняла Маша, стиснула зубы и сказала:

— Я поэтому к вам и пришла!

— Еще раз и с самого начала. — Белобрысый уперся локтями в колени, посмотрел на Машу с насмешкой: — Ты пришла ко мне, потому что я тебя не хочу? У тебя такие проблемы с мужчинами?

— Я не желаю, чтобы мной командовали староста и Малух! — почти закричала Маша.

— Ясно, ты желаешь молодого и красивого, — кивнул белобрысый, откровенно забавляясь. — Понять тебя я могу, но при чем здесь я?

— Вас староста боится, — ответила Маша и изложила ему свои соображения касемо расстановки сил в Перепутинске.

— А ты вовсе не дура, — не без удивления отметил белобрысый, когда она закончила говорить. — Кое-какой умишко имеется.

— Я школу закончила и три класса трудового училища, — с достоинством ответила Маша, но это не произвело желаемого впечатления.

Белобрысый надолго задумался, но даже не предложил Маше сесть. Впрочем, она уже привыкла к такому обхождению и не возмущалась, тем более от этого мужчины зависела ее судьба! Можно было и потерпеть неудобства...

— Ладно, — сказал наконец мужчина. — Оставайся. Жилье тебе найдется. Но учти — я хозяин требовательный. Слушаться не будешь — вылетишь на улицу. А там уж и староста подоспеет!

Маша недоуменно взглянула на него.

— Слуга мне нужен, — пояснил тот. — Надоели здешние девки, вместо того чтобы белье в стирку забрать или там пол подмести, так и норовят прижаться. Слуги нет, но и ты сгодишься. Платить не буду, учти.

Маша кивнула, умолчав о том, что и портной ей не платил.

— А староста... — заикнулась она.

Белобрысый пожал плечами и неопределенно усмехнулся. Ясно было, что Ранека в качестве соперника он не рассматривает.

— Два правила, — сказал он. — Ты мне не прекословишь — это первое. Второе — ты не лезешь ко мне в постель. Ясно?

— Да я никогда... — возмутилась Маша, но мужчина перебил:

— Ясно или нет?

— Ясно...

— Поди вниз, скажи хозяйке, что я тебя нанял, — велел он. — Пусть найдет тебе каморку какую-нибудь. И переоденься!

— Во что? — удивилась Маша.

— В то, голубое, — ответил белобрысый. — Девка в таком убожестве рядом со мной находиться не будет!

— Но я...

— Ты его захватила, вон, из узелка краешек видно, — отрезал мужчина. — Иди!

Маша вышла, прихватив узелок, оставленный на входе. Ох, не сваяла ли она дурака? Этот человек не простой и понятный портной и даже не староста! Что на уме у того, кто

веками эксплуатировал трудовой народ и привык к беспрекословному подчинению? Это сейчас он говорит, что Маша его не интересуется, а там как знать... И уж на него-то управы не сыщется! Только властелин, но он далеко! Дотянуть бы до приезда его посланников...

Маша предпочла бы остаться в скромном сером платьишке, но новый хозяин (знать бы, как его зовут!) настоял, и она переделалась. Красиво, да, только как в таком полы мыть или стирать? Замызгается вмиг!

Освоившись в маленькой комнатке (по сравнению с каморкой у портного это были настоящие хоромы!), Маша задумалась. Вообще-то надо было идти к белобрысому и спрашивать, не желает ли он чего, угождать, одним словом, но не хотелось. Может, он и не позовет?

Но надежды ее не оправдались: очень скоро в дверь стукнул мальчишка и велел «скоренько идти до господина, сердиты и просят!».

На что мог сердиться белобрысый, Маша даже предположить не могла, а потому приняла насколько могла скромный вид и поднялась наверх.

Признаться, открыв дверь, она была готова подобрать подол и бежать как можно дальше и как можно быстрее, потому что в комнате обнаружился Малух собственной персоной, очень расстроенный, злой даже.

Белобрысый сидел на подоконнике, качал ногой и не обращал на портного никакого внимания. Волосы его, отметила Маша, высохли и сами собой завились в крупные локоны. А она-то думала, он на бумажки их накручивает, модницы в общепитии так делали.

— Ты вот про эту девку, любезный? — поинтересовался он, повернув голову на скрип двери.

— Про нее самую! — закивал портной, зло глядя на Машу. — Сбежала, оторва, поутру, я искать, а мальчишка соседский говорит, видел, как сюда побегла...

— Ну да, — кивнул мужчина. — Ты про нее забудь, любезный. Она теперь у меня служит.

— Но... — Малух лишился дара речи, а Маша чуть не расплакалась от облегчения. Ведь белобрысый мог отдать ее хозяину! — А как же... Да она же!.. Она мне должна!

— Много? — вскинул бровь мужчина.

— Много! — нахмурился портной и начал загибать пальцы: — Одежда, вот что на ней, да еще два платья, попроще. Кормил я ее сколько! А сколько она перепортила по недоумию?.. И вообще...

— Вообще... — задумчиво произнес белобрысый, — ты мне надоел.

Он поднял руку, откинул прядь с виска, вынул из уха серьгу (Маша уставилась во все глаза, она и не рассмотрела прежде, что у него не только мочки проколоты, а и все ухо доверху в сережках!), бросил портному:

— Хватит с тебя?

Маша разглядела — серьга была небольшая, из желтого металла, с зеленым камушком, маленьким, но ярким. Вот бы ей такие же, только с синими вставочками...

— Хватит, господин, хватит! — Портной, разглядев, что попало ему в руки, принялся кланяться, да так истово, что Маша испугалась — не переломился бы.

— А на это, — белобрысый бросил Малуху парную серьгу, — справь ей еще пяток платьев получше. Ткань чтоб хорошая, ну, сам разберешься. И еще пару мужских костюмов и дюжину сорочек. И прочее, что девке нужно. Ясно?

— Но...

— Ясно? — повторил мужчина, и в голосе его зазвенел такой металл, что портной попятился. — Не наглей, любезный, на это троих человек с ног до головы одеть можно, а тут всего одна девка. Проваливай и не являйся, пока готово не будет. Мерки ее у тебя наверняка есть, это-то платье ладно сидит, ты, видно, ее не только обмерил, но и ощупал...

Малух мерзко ухмыльнулся, смерил Машу взглядом и задом выбрался за дверь, не переставая кланяться.

— Какая гадость, — устало произнес белобрысый и запустил пальцы в волосы. — Я вынужден заниматься такой ерундой...

— Спасибо, — сказала Маша искренне. Как бы плох ни был этот человек, он все же ей помог, и пока она не хотела думать о том, что он потребует за эту свою помощь! — Я...

— Ты все-таки дура, — спокойно продолжил тот. — По закону за пришлецов платит властелин. За еду, жилье, одежду. Скромно, но хватает.

— Так зачем же вы... — опешила Маша.

— Затем, что мне проще заплатить, чем препираться с этим уродом, — скривился мужчина. — Опять же должен будет, это полезно.

— А староста? — уныло спросила Маша. — В него вы кольцом кинете?

— Обойдется, — хмыкнул он. — А ты что встала?

— А что мне делать?

— Хм... — задумался мужчина. — Давно у меня не было слуг, отвык уже... А, вот что! Поди-ка ты к кузнецу и попроси сделать такую штуку...

— Какую?

— Видела когда-нибудь инструмент, которым на металле заусеницы подпиливают? Вроде терки?

— Напильник? — обрадовалась Маша. — Рашпиль?

— Ну... наверно, — кивнул мужчина. — Пускай сделает... напильник. Только маленький, вот такой длины, — он расставил пальцы, — и насечки как можно мельче!

— А... вам зачем? — осторожно спросила Маша.

— Я здесь совершенно запаршивел, — сообщил тот. — Ногти подпиливать, зачем же еще!

Маша пригляделась и ужаснулась: у белобрысого оказались длинные ногти. Выглядело это... кошмарно! Она даже у женщин не видала таких! Сама Маша ногти стригла очень коротко, а здесь, за неимением маленьких ножничек, вовсе срезала под корень. А тут такое!

— Почему ты еще тут? — поинтересовался мужчина, и Маша выскочила за дверь.

Ох, похоже, она влипла еще сильнее, чем прежде! Кто он вообще такой, почему так себя ведет? Напильник ему еще понадобился!

«Рабочий! Человек дельный, полезный! Не забывай о чистоте телесной! — вспомнила Маша стихи знаменитого поэта. — Ногти обрежь, руки мой с мылом — и за работу с новой силой!»

Маша вздохнула, покачала головой и отправилась по поручению...

Глава 6

В людях

По правде сказать, меньше всего Вёсьямиэль желал видеть рядом с собой эту девицу: настырную, грубую, не имеющую никакого представления о том, как надлежит себя вести с благородными особами! К сожалению, выбирать было не из чего. По вечерам он, преодолевая брезгливость, играл в самые простые из известных ему азартных игр с местными мужиками, но что толку? Кое-какие сплетни они рассказали, но новостями, похоже, не интересовались вовсе, а уж что происходило за пределами родного Перепутинска, их нисколько не трогало. Не подняли бы налоги, не было бы войны — вот и все! Чем живет страна, какую политику проводит властелин, что задумывают соседи, они знать не желали. Что взять с сиволапых?

Надо, конечно, учесть, что поиграть приходили самые негодящие мужики, оторви и выбрось, у этих на уме только выпивка да женщины. Неплохо было бы потолковать с людьми обстоятельными, мастеровыми, к примеру — эти ведь товар продают, с купцами общаются, да и порядок цен им нужно знать, а также учитывать, что везут из-за границы, будет ли спрос на их поделки! Вот только одна беда: благородному господину неприлично идти в поселок и шататься по улицам, приставая к прохожим!

Вёсьямиэль пробовал поговорить с одним мастеровым на празднике и даже кое-что успел узнать до того, как все перепились до пороссячьего визга, но этого было мало. Может быть, зря он с самого начала повел себя так заносчиво, теперь, измени он поведение, это вызовет подозрения. Да и после того, как он привечал пьянь кабацкую, приличные люди говорят с ним неохотно.

Собственно, затем ему и нужен был слуга. Отлынивая от работы, он может почесать языком с другой прислугой, задать наводящие вопросы, которым научит его хозяин. Так можно выудить кое-что ценное.

Но, увы, в поселке не нашлось смышленного парня, который мог бы стать Вёсьямиэлю верным помощником. Видно, хороших работников к незнакомому господину не пустили, а других он сам выгонял — слишком глупы оказались! Можно было использовать тех служанок, которые так и липли к нему, но... у них языки длинные, непременно проболтаются, что это господин их подучил спрашивать о том и о сем. Зачем такие сложности?

И тут подвернулась эта вот... как там ее? Вёсьямиэль соображал очень быстро: у девицы никого нет в Перепутинске, иначе бы она не явилась к нему за помощью, это раз. Два: она не так глупа, как те парни, которых он забраковал, но не настолько хитра, чтобы обмануть его самого. Да она вообще, кажется, врать не привыкла, лепит, что думает! И, похоже, данное слово для нее не пустой звук: в этом Вёсьямиэль очень скоро убедился, послав девицу (Маша, вот как ее звали, дурацкое имя!) с пробным поручением. Все нужные вопросы она задала, ответы выслушала, запомнила и пересказала ему. Правда, смотрела непонимающе и очень хотела попросить объяснений, но так и не решилась.

Единственное, что Вёсьямиэля не устраивало категорически, так это манера Маши во всем ему перечить. По ее лицу прекрасно читалось, какого она мнения об очередном его приказе! Впрочем, случалось, девушка и вслух высказывалась, а он, если очень скучно было, мог вступить с ней в разговор — это иногда забавляло. Похоже, Маша явилась сюда из мира с

каким-то совершенно диким общественным устройством: Восьмиэль никак не мог взять в толк, каким образом люди умудряются обходиться вовсе без денег. И как, спрашивается, обращаться друг к другу, если все равны? Подумать — и то волосы дыбом встанут! Чем же отличается правитель (а он у этих странных людей есть, Маша благоговейно называла его Вождем) от всех остальных, если, как утверждала девушка, все делят всё поровну, никто ни в чем не знает недостатка? И как, интересно, развивается такое общество, если всем всего хватает?

Очевидно, Маша либо чего-то недоговаривала, либо просто не знала. Восьмиэль небеспричинно полагал, что далеко не все так радужно на ее родине, как вдалбливают простонародью. А что там наверняка есть деление на простых работников и правящую элиту, он даже не сомневался. Смешно сказать, они считают себя равными и совершенно свободными, все до одного! Более того, эта оглашенная твердила, что, дескать, любая тряпуха может управлять страной, а большей нелепости он в жизни не слышал!

Так или иначе, но слушать ее временами было забавно, особенно когда Маша входила в раж и принималась проповедовать учение своего Вождя. И очень, кстати, обижалась, когда Восьмиэль начинал хохотать! А посмеяться было над чем. Намедни она, к примеру, пришла мыть полы. (Зрелище Восьмиэлю понравилось: юбка подоткнута выше колен — а ноги у Маши оказались вовсе не тумбообразными, да и сама она, слегка похудев, сделалась попригляднее; в вырезе платья виднеется соблазнительная грудь и этак заманчиво колышется, когда Маша яростно орудует тряпкой внаклонку.) Пришла, значит, а за работой разговорилась. Вернее, это Восьмиэль ее разговорил — окончательно одурел от скуки. Выслушал результаты очередного «задания», — слава всем богам, у Маши хватило ума, чтобы ничего не перевернуть! — да и спросил, чем она намерена заняться, если окажется, что назад дороги нет и придется жить в этом мире?

Девушка долго молчала, сопела, а потом выдала.

— Раз я одна тут знаю заветы Вождя, — сказала она серьезно-серьезно и сурово сдвинула рыжеватые брови, — значит, мне и нести их людям! Меня пока никто не слушает, но, если действовать разумно и терпеливо, можно разбудить трудовой народ!

— Зачем его будить? — поинтересовался Восьмиэль, сдерживая смех. Если засмеяться, Маша обидится и больше ничего не скажет, а ему доставляло удовольствие ее дразнить, как кошку длинной травинкой! — По-моему, он так сладко спит...

— Неправда! — Маша гордо выпрямилась, не обращая внимания на зажатую в кулаке мокрую тряпку. — Народ стонет под пятой угнетателя!

— Если он и стонет, — заметил он, — то разве что как девка под парнем на сеновале! Да еще и подмахивает со всем прилежанием.

Маша открыла рот, чтобы возразить, не нашла с ходу, залилась гневным румянцем, швырнула тряпку в ведро и вышла, шлепая босыми ногами. Она гордо молчала, когда обижалась, но долго выдержать не могла, это Восьмиэль уже заметил. Идеи Вождя, очевидно, следовало выпускать на свободу, чтоб не разорвали ее умишко... Любопытно, она в самом деле верит в то, что несет, или затвердила эти, с позволения сказать, истины и повторяет, как говорящая птица, не понимая толком?..

Служить у белобрысого оказалось, с одной стороны, намного легче и приятнее, чем у портного: дел было всего ничего — разве ж считать за работу уборку в комнате да стирку одежды? (Машину стряпню новый хозяин даже пробовать не стал, к слову сказать.) Вдобавок

он к Маше не приставал, хотя ни разу не отказался заглянуть ей за корсаж, если представлялся такой случай.

Работы было так мало, что Маша, не привыкшая к безделью, взялась помогать хозяйке постоянного двора, просто так, конечно, безо всякой оплаты. Та сперва посматривала с подозрением, а потом подобрела, стала даже подсовывать Маше лакомые куски: а что, девка работающая, смирная, не то что остальные служанки — только и думают, как бы сбежать на улицу, проходящим парням глазки строить да лясы точить!

Но с другой стороны, вел хозяин себя просто отвратительно. Требовал обязательно называть себя господином, а имя — он его один раз назвал — Маша просто не могла выговорить. Когда попробовала (вышло у нее нечто вроде «весь в ямах, ель на стороже»), белобрысый сперва онемел, потом смеялся, да что там, ржал, как жеребец, до слез и остановки дыхания, а затем велел Маше называть его только господином и не коверкать его благородное имя!

Еще он зачем-то приказывал Маше переодеваться чуть не каждый день в другое платье (Малух пошил шесть штук) и идти гулять. И велел делать вид, будто ей скучно, задавать всякие вопросы разным людям, а ответы запоминать и пересказывать ему. На память Маша не жаловалась, скуку от безделья даже изображать не надо было. Впрочем, смысл кое-каких туманных вопросов она понимала хорошо: белобрысый пытался потихоньку выяснить, что творится вне тесного мирка Перепутинска. Об этом порой рассказывали заезжие торговцы, а также те, кто возил всякие товары на ярмарки в соседние поселки и деревни. Еще его интересовала экономика (тут Маша помнила только, что она должна быть экономной, а глубже вникнуть у девушки не получалось, потому что здешние производственные отношения казались ей дикостью), политика и всякие другие странные вещи. Маше казалось, что она мало что узнает, но белобрысого вроде радовали и такие мелочи: получив очередную порцию информации к размышлению, он долго валялся на кровати, глядя в потолок, потом веселел и приказывал подать ужин, либо, наоборот, мрачнел и впадал в меланхолию.

Маше очень не нравилось притворяться перед простыми людьми, такими же, как она сама, и еще совсем не хотелось изображать жду! А именно так и выходило: уже весь Перепутинск считал пришелицу гулящей и знал, что она прилепилась к такому же, как она, чужаку и живет при нем, благородном господине! «Хорошо устроилась!» — говорили ей вслед. Женщины в глаза улыбались, а за спиной шептали гадости, а мужчины разговаривали охотно, сами то и дело отпускали сальные шуточки и делали недвусмысленные намеки: всем было интересно, что ж такого нашел господин в этой девке! Служанки с постоянного двора, правда, божились, что господин с Машей не сожительствоует, но им не верили — ясное дело, врут от зависти, что не их выбрали!..

Особенно укрепились поселковые в этой мысли после того, как белобрысый снял с себя одну из цепочек, что попроще (Маше смутно помнилось, что раньше она висела у него на поясе, на том самом первом костюме, в котором он сюда попал), и велел надеть на шею. Мол, так отблагодарил за службу.

Цепочка красиво блестела и привлекала взгляды. Люди перешептывались и показывали пальцами, а Маша чувствовала себя совершенно несчастной. Конечно, в ремесле жду нет ничего постыдного, но... это если сама его выбрала! А так выходит, что ее оболгали. А еще обиднее было то, что Маша, девушка молодая и здоровая, не отказалась бы встречаться с кем-нибудь из местных ребят, да только они от нее хотели только одного. Она бы опять-таки и не прочь, но что ж это получится? Ни поговорить, ни дела обсудить, никакой дружбы, никакой

взаимопомощи, одно удовлетворение инстинктов! На такое она соглашаться не желала!

Обо всем этом она и собиралась сказать белобрысому, выслушав очередную порцию намеков от кузнеца — ему она особенно приглянулась. Накипело, вот что!

Постучав, Маша сразу вошла в хозяйскую комнату. За это белобрысый постоянно ее ругал, а она не могла взять в толк, что ему скрывать-то? Тут вообще все запирались на замки, прятались... Этого Маша не понимала.

Стоило ей открыть дверь, как мимо нее прошмыгнула Рала, новенькая служанка — ее только-только прислала родня хозяйки постоянного двора из какой-то дальней глухой деревни. Девушке было лет пятнадцать, не больше, и она многим приглянулась: хорошенькая, белокурая, сероглазая. Однако воспитана она оказалась строго и парочку охальников уже огрела ухватом, когда те попытались задрать ей юбки. И вот эта-то самая Рала и выбежала сейчас из комнаты белобрысого, придерживая расстегнутое на груди платье и одергивая передник!

— Ну что ж ты всегда так не вовремя? — досадливо спросил хозяин, раскинувшийся на кровати.

Сорочка на нем была распахнута до пупа, виднелась безволосая грудь — Машу это удивило: не мальчишка ведь уже! Белобрысый только казался подростком, а на деле, она уж поняла, был изрядно старше ее самой. В общем, не самое приятное зрелище. Она предпочитала мужчин с явно выраженными признаками... хм... мужественности, как бы странно это ни звучало.

Еще ей удалось разглядеть какой-то рисунок с левой стороны, повыше сердца. Тоже удивительно: Маше приходилось читать в книгах, что в древности людей клеймили за разные преступления или просто так — рабов, к примеру. Оставались шрамы в виде разных символов, букв там или целых слов, рисунков. Но у белобрысого-то такой откуда, если он благородный?

— Чего ты ввалилась? — спросил хозяин, перебив ее мысли. Сел, пригладил волосы, застегнулся. — Ну что стоило подождать полчаса, а? Только девке юбку задрал, а тут ты...

— Так вы с Ралой... — Маша смутилась. — Извините, я думала, она ни с кем...

— Конечно, ни с кем! — хмыкнул белобрысый. — Она девка разборчивая, даром что из глухомани! Цену себе знает, насилию сторговался! Но оно и хорошо, не всякому по карману, меньше риск подцепить что-нибудь...

Маша помотала головой, пытаясь осмыслить сказанное. Так что ж выходит, скромница Рала, которая смущается всякий раз, как слышит крепкое словцо, на самом деле... Собой торгует?

— А чего ты удивляешься? — спросил хозяин. Видимо, последний вопрос она задала вслух. — Ей замуж идти, а приданого нет. Тут кое-что заработает, ну еще проезжающие приплатят. Эта не пропадет!

— А муж? Ну, за которого она замуж пойдет? — изумилась Маша. Она уж слышала, что тут большое значение придают «чистоте» невесты. Глупость ужасная, ведь прежде чем связывать жизнь с кем-то, надо узнать, подходите ли вы друг другу! Бывало, хорошие пары только по причине физической несовместимости не оставались вместе, Маша помнила такие случаи. Тут дело обстояло иначе. — Если он узнает?

— Если она в дом хорошую корову приведет да еще денег в приданое принесет, плевать ему будет, под скольких она ложилась, — цинично ответил мужчина. — Ты что, разговоры разговаривать пришла? Выкладывай, что узнала?

Маша вздохнула и начала излагать. Выслушав, белобрысый одобрительно кивнул, улыбнулся даже.

— А скажи-ка, — начал он, но тут Маша кашлянула.

Хозяин отпрянул, поморщился.

— Ты что, заразу какую-нибудь подцепила? — спросил он брезгливо. — Или простыла?

— Ничего подобного! — возмутилась девушка. — Это вы просто слишком сильно душитесь!

Что правда, то правда — за белобрысым всегда стелился шлейф аромата. Маша поражалась: даже если у него с собой был флакон духов, они должны бы уже закончиться, ведь мужчина ими с ног до головы поливался, судя по всему! Ан нет, еще и запахи менялись... То это был сладкий цветочный аромат, то терпкий и горький, но неизменно очень сильный.

— Тогда б ты чихала, — парировал мужчина. — Да и вообще, ты привыкла уже.

— Все равно сильно пахнет! — пошла Маша в наступление. — Просто как от клумбы!

— Конечно, запах трудового пота предпочтительнее, я и забыл, — саркастически заметил он.

Маша насупилась. В этом плане хозяин был до ужаса придирчив: требовал, чтоб она мылась и меняла белье хотя бы через день (помнится, она еще ужасно оконфузилась, спросив, когда в здешней бане «женский день»), а сам так и вовсе заставлял таскать ему горячую воду из кухни ежедневно. Ну что так намываться, ведь не шахтер же он, не из забоя вернулся после смены!.. Этого Маша решительно не понимала.

— У вас обоняние хорошее, а так вот вы его себе испортите! — нашла она аргумент.

— Лучше пусть мне мои духи чутье отобьют, чем чужая вонь, — ответил белобрысый и усмехнулся: — Ты мне зубы не заговаривай. Где была, с кем целовалась, что подхватила?

— Не целовалась я ни с кем! — оскорбилась Маша и снова кашлянула в кулак. Что это он ее допрашивает? — И не была я нигде. Вот только на прядильню здешнюю зашла. Знаете, как здорово? — Она воодушевилась, придумав, как отвлечь внимание. — В одном помещении шерсть очищают, разбирают, в другом прядут. И главное, пыль совсем не летит, сказали, это так заколдовали специально. Я в колдовство не верю, — добавила она поспешно, потому что Вождь решительно осуждал всякое мракобесие, — но пыли нету. Даже у нас на фабрике была, а ведь мы не с шерстью работали...

— Пыль, говоришь, на фабрике, — задумчиво произнес мужчина. — И сколько ты там проработала?

— Ну, ученицей пошла... потом в цеху... Всего три года выходит, — подсчитала Маша. — Полные смены работала, восьмичасовые!

— Поди-ка сюда, — поманил ее белобрысый. Указал на место рядом с собой. — Сядь. Спиной повернись.

— Зачем? — удивилась Маша, но послушалась.

— Платье с плеч спусти, — велел он.

— Что-о?! — Маша подскочила. — Вы же сказали, что я вам... что я вас не интересую как женщина!..

— Да не ори ты! — нахмурился мужчина. — Нужны мне твои титьки, я и краше видел. Делай, как я сказал!

Было что-то такое в его взгляде, из-за чего Маша не посмела ослушаться. Расстегнула платье и спустила с плеч, радуясь, что нижнюю сорочку он задрать не велел. Грудь, правда,

она прикрыла руками, готовая в любой момент развернуться и врезать охальнику промеж глаз.

— Дыши поглубже, — велел ей белобрысый, и Маша с удивлением почувствовала, как он прижался ухом к ее спине. Сквозь тонкую ткань сорочки отлично чувствовалось тепло кожи и холодок от его длинных волос. А вот щетина не кололась, она у хозяина вроде и вовсе не росла! — Кому сказал?!

Маша послушно запыхтела.

— Пыль, значит, — задумчиво произнес мужчина, отстраняясь. — Три года... Ну да, похоже...

— На что похоже? — испуганно спросила девушка.

— Одевайся, — велел он ей. — Поди к лекарю здешнему, скажи, чтоб травок от кашля тебе дал. И расскажи... про эту твою пыльную фабрику. Ясно тебе?

— Ясно... — удивленно ответила Маша.

Спорить она не стала, к лекарю сходила. Сухонький старичок, на вид сушая музейная древность, оказался на поверку очень бодрым. Стоило Маше пожаловаться (да какие там жалобы, ну покашляла немного, видать, простыла), как он засыпал ее вопросами, почище белобрысого, ощупал, в глаза поглядел, пульс посчитал и действительно дал травок. Велел заваривать в горячем молоке и пить.

Маша послушалась, и, правда, — через две недели кашель совсем прошел. Вот только вкус у деревенского снадобья оказался премерзкий! Не могли таблетки придумать, что ли? Дикость какая — травки запаривать...

Ну да ладно, в этом мире все было иначе, совсем не так, как привычно Маше, и девушка постепенно свыклась с этим. Конечно, ей очень хотелось домой, в Верхнешвейск, и иногда она плакала ночью от тоски по родному городу, где все такое милое и знакомое, не то что здесь. Раньше у Маши попросту не было времени, чтобы всерьез подумать о возвращении, — в доме портного она уставала так, что падала на кровать и сразу засыпала! В услужении же у нового господина свободного времени оказалось предостаточно, и девушка не раз размышляла, как бы вернуться домой. Вот только как именно это можно сделать, ей никак не приходило в голову. В магию Маша не верила, но и сложно предположить, что это просто такая техника, которая между мирами кого попало перебрасывает. «Надо будет спросить у этого!...» — решила она, уже почти засыпая (мысленно звать его хозяином она не хотела, а имя так и не запомнила). И то дело: он странный, но очень умный, может, что и придумает.

Однако в этом Маше не повезло, поскольку на прямой вопрос: «Как можно вернуться домой?» — белобрысый почему-то нахмурился и сердито сказал, что он не маг и не разбирается во всех этих колдовских штучках. Да и вообще, шла бы она стирать, вместо того чтоб отвлекать господина от серьезных дел!

Маша послушно вышла из комнаты, недоумевая, чем он там таким занимался (вроде бы просто на постели валялся, бездельничал!) и что может быть важнее возвращения домой! И только потом, когда она уже принялась полоскать белье, Машу осенило: да он сам по дому тоскует, потому и был так резок! Поняв это, она тут же простила мужчину за строгость, но уверилась, что не такая уж это простая задача — разузнать, как вернуться в родные места.

Маша была девушкой простой, хоть и передовиком производства, во всяких премудростях не разбиралась, а в колдовство, как уже говорилось, не верила и решительно осуждала суеверия, пусть даже здесь на магию полагались всецело. Значит, судьба не даром привела ее сюда, она должна устроить общевистскую революцию и освободить угнетенных

трудящихся и крестьян этого мира! И ничего, что они пока не понимают необходимости преобразований, со временем все придет!

«Нужно верить в свои собственные силы!» — вспомнила Маша наставление Вождя, и у нее сразу потеплело на сердце от знакомой, такой родной фразы.

Будто Вождь лично одобрил ее стремление!

Глава 7

Птица счастья

Маша искренне жалела, что на дворе лето. И ничего удивительного, ведь в эту пору местным не до обсуждения политических реформ — летом здесь кипит работа, да так, что некогда даже поспать толком, не говоря уже о гуляньях и прочих увеселениях. Посадка, прополка, полив, да с вредителями бороться надо, следить, чтобы скотина посевы не потравила, а потом еще урожай убирать. И это только часть, ведь и сено заготовить нужно, и за скотиной ухаживать, и заборы подлатать — да мало ли дел по хозяйству?

Конечно, самой Маши это особенно не касалось, но все же общевистскую пропаганду пришлось свернуть — почти никто не приходил на собрания партячейки. Да и те, кто там бывал, нередко втихомолку тыкали в девушку пальцами и перешептывались об отношениях Маши с Весем (так она начала про себя именовать хозяина). Мол, о революции толкует, а сама шуры-муры крутит с благородным!

Маша обижалась до слез, однако же доказать им что-либо было невозможно, все равно никто не поверит, будто мужчина ее только раз и коснулся с подобными мыслями, да и то на празднике, когда не узнал. Ну почему если женщина свободная и борется за революцию, то ее непременно подозревают во всех грехах и практически в глаза называют жду?

Да еще Весь стал ее изводить — плохое настроение у него было, видите ли! Девушка как-то не выдержала да и спросила: в чем дело, с какой стати он вторую неделю кряду на людей бросается? Тот что-то буркнул насчет того, что она лезет не в свое дело, но ответить все же соизволил. Оказывается, его беспокоило, что слишком долго нет людей властелина, которые должны сопровождать его в столицу.

Маша всерьез задумалась: с одной стороны, оставаться в Перепутинске, да еще без защиты белобрысого, ей теперь было совершенно невозможно — на работу ее не примут, да и староста с портным отыграются, одна дорога останется — податься в жду; а с другой, ехать в эту самую столицу тоже не особенно хотелось. Революции делаются снизу, это Маша помнила точно. Одно дело — небольшой городок, она ведь хотела попасть куда-нибудь, где люди образованнее, чем в поселке, и совсем другое — столица! Там наверняка полно прихлебателей власти, доносчиков и соглядатаев, ее мигом вычислят!

Да и вдруг этот властелин окажется толковым и проницательным или же белобрысый ему обо всем растреплет (она сильно сомневалась, что Весь и дальше станет ее защищать), и тогда ее как политического врага расстреляют или отправят на здешние рудники... Маша хорошо помнила, чему ее учили: империалисты не остановятся ни перед чем, чтобы удержать власть над народом в своих руках!

Но выбора у нее особенного не было, оставалось лишь ждать прибытия людей властелина и каждый вечер втихомолку радоваться, что сегодня пронесло.

Однако, как бы Маше ни хотелось, долго это продолжаться не могло.

Однажды вечером ее позвала хозяйка постоянного двора, попросила:

— Помоги мне быстренько. В комнате прибраться надо да постель свежую постелить!

— А что случилось? — любопытствовала Маша, принимая стопку чистого белья (снежно-белого, хрусткого от крахмала — роскошь просто, такого даже касаться приятно!).

— Да посланник властелина прибыл! — ответствовала хозяйка. — А ночевать-то ему и

негде, кроме как у меня. Ну, у старосты еще можно, но у него условия не те!

Она так искренне гордилась своей гостиницей (так Маша по привычке называла постоянный двор), что у девушки не хватило духу сказать, что дома (пусть и у противного старосты) все равно лучше, чем здесь.

Вскоре лихорадочными усилиями одна из лучших комнат была приведена в безупречное состояние, и у Маши выдалась свободная минутка (хозяин как раз ужинал, и ему ничего не требовалось). Как бы она хотела, чтоб не было никакого гонца от властелина! Одни проблемы от него!

Пригорюнившись, Маша тихонько сидела внизу, в общем зале. Посетителей не было (да и мало их летом, ярмарки пока не начались, а местные все в поле, даже пьянчужки — и те делом занялись), хозяйка на заднем дворе распекала нерадивого конюха, так что ей никто не мешал размышлять.

Девушка так увлеклась невеселыми думами, что даже не заметила посетителя.

— Привет, а ты кто? — поинтересовался кто-то совсем рядом.

— Ой! — От неожиданности Маша подскочила.

Перед ней стояло настолько невероятное существо, что она не смогла сказать ничего внятного.

Мужчина оказался высок, светловолос, с приятным кругловатым лицом и мягкой улыбкой. Но удивительно было вовсе не это, а то, что за его спиной Маша увидела крылья! Самые настоящие крылья! Сейчас они были сложены, но вовсе не походили на карнавальный наряд — они слегка шевелились, выдавая нетерпение своего обладателя. Топорщились светло-серые перышки, так что их очень хотелось пригладить рукой.

Из ступора Машу вывел нетерпеливый голос посетителя:

— А где хозяйка?

— На заднем дворе, но она скоро будет, — пролепетала Маша, во все глаза глядя на крылатого.

— Ну ладно, тогда я подожду! — пожал тот плечами, отчего крылья пришли в движение, и присел напротив девушки. Наверно, ему было не очень удобно: длинные крылья волочились по полу, а он, несмотря на все усилия прислуги, особенно чистым не выглядел.

— Ой, может, вам подать чего-нибудь? — спохватилась она, торопливо вскакивая.

Но крылатый лишь покачал головой и взял Машу за руку:

— Присядь, красавица! Вот тут, рядом со мной.

Девушка послушно опустилась на лавку, отчего-то краснея.

— Расскажи мне о себе, — нежно проворковал мужчина.

Да что рассказывать?! Но отказать она не смогла. Повествование Маши заняло не так уж мало времени: она поведала, что родилась и выросла в другом мире, рассказала, как оказалась здесь и как тяжело ей в Перепутинске, описала, как несправедливо устроено здешнее общество и как хорошо живется в ее родном мире, где все следуют заветам Вождя! О них она тоже рассказала: крылатый оказался отличным слушателем, хотелось говорить и говорить! Но наконец Маша выдохлась...

— Бедняжка, — сочувственно сказал крылатый, когда она замолчала. — Нелегко тебе пришлось!

Маша только кивнула и вновь зарделась — мужчина так и не выпустил ее руку и во время рассказа нежно поглаживал ладонь.

— Я понимаю, каково тебе, — ласково нашептывал ей крылатый (он назвался

Реталем). — Я ведь тоже из другого мира!

Маша удивленно вскинула глаза. Как, выходит их, пришлых, немало? Ах да, староста ведь говорил, что чужаки появляются не так уж редко!

— Да-да, — подтвердил Реталь. — Меня занесло сюда больше года назад.

— И ты до сих пор не нашел способа вернуться? — ужаснулась Маша. Ей даже думать не хотелось, что она может остаться навсегда в этом неприветливом мире.

— Нет, — печально покачал головой он, а потом продолжил: — Хорошо, что властелин принял меня на службу, иначе не знаю, как бы я выжил! Сама видишь, в крестьяне я не гожусь. Был бы забавой для богача какого-нибудь...

Только теперь до девушки дошло, что это и есть тот самый посланник, которого она так мечтала никогда не увидеть! А он симпатичный, и вообще Маше очень понравился: говорит с ней по-человечески, милый и не заносчивый, как Весь.

А Реталь тем временем приобнял ее за плечи и вдруг предложил:

— Хочешь, я расскажу тебе, откуда берутся крылатые?

Маша завороченно кивнула, и он напевно начал (судя по всему, историю эту он рассказывал не в первый раз и успел хорошо ее отрететировать):

— В моем мире обитают самые обычные люди, не лучше и не хуже, чем в остальных. Рождаются, живут, влюбляются, женятся, умирают — все, как у всех. Но изредка бывает, что человек вдруг принимается мечтать: думать о небе, представлять, как выглядит земля с высоты птичьего полета, с тоской провожать глазами птиц, летящих на юг осенью! И может так случиться, что не мила ему станет человеческая жизнь, настолько опротивеет, что он готов будет умереть. Тогда ему одна дорога — в горы, на Скалу птиц. Он должен явиться туда и броситься вниз головой!

Маша невольно вскрикнула, представляя, как это, должно быть, страшно!

Реталь слегка улыбнулся ее переживаниям и продолжил:

— Вокруг той скалы всегда кружит множество птиц. Если они примут в свою семью такого человека, то непременно его спасут, и с этого мгновения он обретет крылья!

— А если нет? — испуганно спросила она.

— Тогда он разобьется, — спокойно пожал плечами Реталь. — Но уж если выживет, то станет наполовину птицей.

— И ты прыгал?! — ужаснулась Маша. Это же надо быть таким отчаянно храбрым!

— Конечно, — улыбаясь, подтвердил крылатый.

— А ты... какая птица? — с наивным любопытством спросила Маша.

— Голубь... — почему-то смущенно зарозовев, сообщил Реталь.

Девушка смотрела на него с искренним восхищением: сильный, смелый, такой необыкновенный! Да и он взирал на Машу с явной заинтересованностью.

Но тут идиллию разрушил голос хозяина:

— А ну поди сюда! Долго я буду ждать, пока ты грязную посуду уберешь?!

Маша поспешно вскочила — Весь терпеть не мог, когда она задерживалась, и всегда бранил ее за промедление.

— Постой! — взял ее за руку крылатый. — Я буду ждать тебя!

Маша только кивнула и поспешно поднялась на второй этаж, к хозяину. На сердце у нее было так легко, что, казалось, она может летать не хуже Реталья!

Белобрысый с подозрением посмотрел на покрасневшую Машу, но ничего не сказал. Она суетливо занялась уборкой, надеясь, что он ничего не заподозрит — почему-то ей вовсе

не хотелось признаваться в симпатии к крылатому, будто это была ее маленькая тайна, секрет ото всех.

Когда Маша закончила прислуживать белобрысому и вернулась в общий зал, за окнами уже начало смеркаться.

Реталь с аппетитом уминал ужин, который ему подала самолично хозяйка, но сразу же заметил Машу, застывшую на пороге, и позвал:

— Иди ко мне!

Маша неуверенно оглянулась на женщину, но та только кивнула нетерпеливо, мол, иди скорее, раз зовут!

Девушка послушно присела напротив Реталья.

— Поддай-ка еще тарелку, — велел он хозяйке, и та кинулась исполнять приказ (видно, посланник властелина был важной персоной, птицей высокого полета, как бы забавно это ни звучало применительно к Реталю).

— Не надо! — тихонько возразила Маша.

— Отчего же? — улыбнулся он. — Могу я поужинать с прекрасной дамой?

Маша застеснялась — странно он на нее действовал, этот крылатый! Она как-то сразу вдруг вспомнила, что давным-давно не была близка с мужчиной.

Она даже не заметила, что пьет вино (дорогое, видно, хозяйка держала для особых случаев), и спохватилась, лишь когда в голове приятно зашумело. Ужасно! Что там Вождь говорил о пьянстве, особенно женском? Но на ум, как нарочно, ничего не шло...

Реталь тем временем оказался почему-то совсем рядом и принялся шептать ей на ушко всякие милые глупости. Маша даже позабыла, сколько любопытных глаз наблюдает за ними, не думала, что завтра же сплетни разнесутся по всему Перепутинску. Она просто наслаждалась...

— Маша, ты такая милая! — ворковал крылатый. — Не то что моя жена — как есть курица!

Маша отшатнулась, — неужто у него есть супруга? — но Реталь поспешил ее успокоить:

— Да она в другом мире осталась! Она совсем не похожа на тебя — квочка ошипанная. И вообще, всем известно, что курица — это не птица!

Маша не посмела спросить, чего ж тогда Реталь на ней женился, да и не до того было — мужчина обнял ее за талию и снова принялся шептать комплименты. Маша млела...

Наконец ужин был съеден, а за окном окончательно стемнело.

— Ты мне нравишься! — шепнул Маше крылатый. — Полетаем вместе?

Та только завороченно кивнула, Реталь поднялся из-за стола и помог встать ей. Он взял Машу за руку, как маленькую, и повел за собой (почему-то они направились на второй этаж, наверно, оттуда взлетать было удобнее).

Только когда они пришли в ту самую комнату, которую девушка недавно помогала готовить для гостя, он прикрыл за собой дверь и принялся целовать Машу, она поняла, что «полетаем вместе» — это лишь иносказание для обозначения совсем другого занятия. Впрочем, она была совсем не против и охотно ответила на поцелуй...

Вот только, к сожалению, возникли технические сложности. Спрашивается, какие неожиданности могут подстергать в деле, которым человечество занимается многие тысячелетия?! Да вот хотя бы то, что один из этой пары вполне человеком не был, и его крылья создавали уйму проблем. Лежать на них невозможно, разве что в стороны растопырить, но места в комнате не хватало! А, оказавшись сверху, Реталь попросту взлетал.

— Они сами начинают махать, инстинктивно! — виновато объяснил он раздосадованной Маше, собирая с пола черепки — разбил кувшин взмахом крыла. — Мы, крылатые, в воздухе это делаем!

Реталь пытался уцепиться за Машу, но и это не помогало, потому что тогда он взлетал частично (как будто его, как котенка, поднимали за шкурку). Смешное, должно быть, зрелище они представляли со стороны! Только вот Маше было совсем не до смеха...

В полете тоже не получилось — крылатые, все как на подбор, тонкокостные, легкие, иначе им не взлететь, а потому Реталь попросту не мог удержать Машу — та была девушкой крепкой, увесистой — и пару раз уронил ее мимо кровати (она ушиблась, между прочим!).

Предложение крылатого, чтоб Маша повисла, держась за крюк для лампы, а он будет парить рядом, ее тоже почему-то не обрадовало...

К тому же после очередного бесславного падения с вершины страсти в соседней комнате разорался Машин хозяин: мол, спать ему не дают и вообще, что это за наглость, так буйно себя вести в приличном месте! От его голоса Маша вся сжалась, — не хватало еще, чтобы он появился в самый неудачный момент и застал ее с Реталем! — и настроение у нее резко ухудшилось. Тут уж не до любовных приключений!

Реталь было заикнулся, что можно попробовать обосноваться на дереве (так, по его словам, делали парочки, которые по каким-то причинам временно не могли летать, или вот они с женой — курица же в полете долго не продержится). Он уверял, будто там можно очень удобно устроиться, но Маша возмутилась: не хватало еще любить на глазах у всех!

В общем, никакого удовольствия несчастной девушке не досталось!

Больше того, у нее почему-то начал сильно чесаться нос, а потом она принялась безостановочно чихать.

— Да у тебя же аллергия на перья! — ужаснулся крылатый.

Но Маше было совершенно не до него — в горле першило, глаза слезились, а дышать стало очень сложно.

Реталь посмотрел на несчастную девушку и горестно поник — видимо, не судьба! За весь последний год он так ни разу и не нашел девушку, которая не побоялась бы быть с ним (они все опасались, что понесут такого же крылатого малыша, а кому нужно такое счастье?). Наконец такая смелая нашлась, и вот — сначала ничего не вышло по техническим причинам, а теперь еще и аллергия открылась...

Что тут можно сказать?! Разве что нецензурно помянуть богов, отправивших его в этот ненормальный мир.

Ну а Маша, прочихавшись и подышав на дворе свежим воздухом, с тоской подумала о том, что завтра поутру ей придется выгребать из комнаты Реталья пух и перья (из его крыльев они сыпались, как из перины!). Это, конечно, и другая служанка может сделать, но что, если они догадаются, чем это крылатый там с ней занимался?

«Человек создан для счастья, как птица для полета, — припомнила Маша и горько вздохнула. — Оно, конечно, так, только вот со счастьем не заладилось!»

Глава 8

Летите, голуби!

В последнее время Восьмиэлю казалось, будто уши у него удлинились и заострились, как у дикого зверя, — так напряженно он прислушивался ко всем слухам, сплетням, шепоткам. Истории о связи с Машей его не интересовали, — селяне всегда выдумывают всяческие глупости, слушать смешно, — но вот иные сведения заставили его призадуматься.

Что-что, а сопоставлять факты и делать правильные выводы Восьмиэль умел, и преотлично: без такого умения нечего делать при императорском дворе, мгновенно сожрут! Восьмиэль пребывал там с самого нежного возраста и уже тогда не давал себя в обиду и не попадался на уловки противников (бывали, конечно, досадные промахи, но побеждает тот, кто выигрывает войну, а не одно сражение!). Ему удалось ничем не запятнать честь рода, не вляпаться ни в какой заговор, не дать никому в руки компрометирующих сведений о себе, и все благодаря наблюдательности и чутью на неприятности. Неприятности он чуял и теперь, и чем дальше, тем острее, но увы, — дома все было знакомо, а здесь он мог только гадать, во что выльется тот или иной его поступок. Отвратительное ощущение — будто идешь по болоту, под ногами зыбкая почва, и не знаешь, выдержит она твой вес или со следующим шагом ты ухнешь в бездну!

Еще недавно он ждал прибытия людей властелина с большим нетерпением. Теперь чувствовал, что желает оттянуть момент встречи с ними. Имелись на то причины, и довольно веские: он пришел к определенным выводам, основываясь на крупицах информации, собранных за последнее время (не без помощи девицы). Последние сведения поступили, правда, из иного источника, а проще говоря — от неумного портного (а уж где тот подцепил этот слух, неизвестно). Тот с большим удовольствием поведал Восьмиэлю одну историю, явно ожидая: тот раскается, что связался с Машей!

Признаться, было о чем пожалеть, но что теперь толку? Нужно было как-то исправлять положение, и Восьмиэль несколько дней строил планы. Кое-что получалось, но не хватало, во-первых, уверенности в том, что портной не приврал, а во-вторых, что представленные Восьмиэлем последствия не преувеличены.

Но тут к старосте явился посланник от властелина, сообщил, что гонцы скоро будут, передал еще кое-что, и Восьмиэль окончательно убедился — он не напрасно беспокоился. Ну а уж после вчерашнего...

Он невольно поморщился: ну надо же так оплошать! Но кто мог предположить, что это чудо в перьях и есть посланник властелина? Кому в здравом уме такое пришло бы в голову?!

Но увы, он услышал об этом слишком поздно — между прочим, от хорошенькой Ралы, сделавшейся на диво словоохотливой, как только они с Восьмиэлем уговорились об оплате ее услуг. Раньше бы ей тут оказаться, не пришлось бы связываться с придурочной Машей!

Этакая пронырливая девка мигом выведала бы все, что нужно, у нее просто дар был оказываться в нужном месте в нужное время. Она-то и рассказала, что это за важный гость, что он передал старосте, о чем говорил с Машей... дальше и так ясно было. Восьмиэль долго не мог унять смех, представляя, каково было девке! Теперь ясно, что за звуки такие раздавались за стеной и не давали ему сосредоточиться! Правда, потом все равно стало не до раздумий — Рала, несмотря на юный возраст, дело свое знала.

А вот та новость, которую жадная до денег девчонка принесла поутру, Весьямиэлю не понравилась совершенно. Ему стало ясно: надо действовать без промедления, иначе велика вероятность отправиться в столицу не в качестве почетного гостя, а... Дальше воображать не хотелось.

Первым делом он выставил Ралу, удостоверился, что крылатый гость все еще сладко поживает — утомился, видимо, от ночных забав — и только потом позвал Машу.

Девушка явилась на зов, как обычно, упрямо не пожелала поклониться (Весьямиэлю уже надоело с ней биться, и он махнул рукой на ее дремучее невежество) и мрачно уставилась в пол. Настроение у нее, судя по всему, было паршивее некуда.

— Бурная ночь? — поинтересовался Весьямиэль, нетерпеливо расхаживая по комнате. — Не выпалась?

— Не ваше дело, — буркнула Маша. Сегодня она даже не пыталась процитировать ему что-нибудь подходящее случаю, и это удивляло: у нее буквально на каждый чих находились изречения этого их Вождя!

— Не мое так не мое. — Весьямиэль остановился рядом с ней, протянул руку и вытащил из Машиных волос сизое перышко. — Хм... это по чьим же ты перинам валялась?

— Это не из перины! — возмущенно взвилась Маша, чем выдала себя с головой.

— Сам вижу, — хмыкнул он, сдул перышко с ладони, и оно плавно поплыло к полу. — А что, хорош оказался этот, как его?

— Реталь, — мрачно ответила Маша.

— Реталь... — Весьямиэль прислушался к звучанию имени, усмехнулся. — Вижу, роман твой не сложился...

— Не суйте свой длинный нос в мои личные дела! — оскорбилась Маша.

— Не длинный, а аристократичный, — наставительно ответил он, даже не обидевшись, — не хватало еще обращать внимание на слова какой-то дурынды! — Понимала бы ты что... Одним словом, путь свободен?

— Какой путь? — вытаращила девушка глаза.

— Мог бы сказать — к сердцу твоего пернатого возлюбленного, только сердце его мне ни за каким демоном не сдалось, — сказал Весьямиэль. — Потому спрашиваю проще: путь в его постель свободен?

Девушка воззрилась на него так, что он заподозрил: она в жизни не слышала ничего подобного. Следующие ее слова только убедили Весьямиэля в верности догадки.

— Вы что такое говорите? — изумленно спросила она. — Вы...

— Объясняю, — произнес он. — Меня заинтересовал этот... Реталь. Что непонятного?

— То есть как — заинтересовал? — Маша растерянно моргала.

— Ты прикидываешься или правда не доходит? — нахмурился Весьямиэль. — Разнообразие мне захотелось! Рала девка симпатичная, но... — он делано вздохнул, — больно проста. А этот крылатый — интересная штука!

— Вы что... вы что, хотите сказать... — Девушка вдруг неудержимо покраснела, и он уверился — она правда представления не имела о подобных вещах. — Вы с ним... да как это?!

— Тебе подробно описать или, может, посмотреть хочешь? — вскинул брови Весьямиэль.

— Нет! — выпалила та, глядя на него, как на диковину. — Это... это...

— Необычно, — согласился он. — Особенно для здешних мохнорылых, так что языком

не мели, ясно?

Девушка несколько раз кивнула, не сводя с него глаз.

— А лучше посиди-ка пока тут, — решил Вёсьямиэль будто бы внезапно. — Так надежнее будет! Ты ведь у этого своего портного научилась чему-то?

— Он не мой, — хмуро ответила Маша.

— Научилась или нет?

— Немножко, — призналась она. — А...

— Отлично! — Вёсьямиэль бросил на кровать ворох одежды. — Возьми-ка вот эту рубашку, рукава отпори и пришей другие, от этой. И наоборот. Справишься?

— Но... — девушка смотрела с недоумением, — они же разные!

— Окажись они одинаковые, не было бы нужды это делать, — ответил он.

— Но эта красная, а та зеленая! — продолжала недоумевать Маша. — Или вы не различаете? У нас в Верхнешвейске есть такой парень, он вообще не разбирает цвета, болезнь такая. Ему, правда, не надо, он в слесарной мастерской работает.

— Маша, — прервал Вёсьямиэль ее воспоминания, — делай, что сказано.

— У меня так хорошо не выйдет, — вздохнула она, оглядывая шов.

— Постарайся — выйдет. Лишь бы на мне не разлезлось! — хмыкнул мужчина. — Потом еще тесьмой обшей, держи.

Он бросил ей моток тесьмы — Рала купила по его поручению. Тесьма была богатая, вся в сусальном золоте, разноцветная.

— Зачем?..

— Не твое дело, — ответил Вёсьямиэль, взглянул на себя в зеркало, поправил причёску, остался доволен и вышел, заперев дверь и оставив Машу удивляться.

Рассчитал он хорошо — как уже упоминалось, слух у него был более чем тонким, поэтому шорохи в соседней комнате он различал превосходно и в коридоре оказался точно в тот момент, когда крылатый Реталь, позевывая, открыл свою дверь. Ну и, конечно, Вёсьямиэль не преминул столкнуться с ним — коридор был тесный, а крылья Реталья занимали немало места.

— О, прошу прощения! — с придыханием произнес Вёсьямиэль, глядя на Реталья снизу вверх — летун оказался немного выше его ростом. — Право, мне так неловко...

— Что вы, это я спресонок не гляжу по сторонам! — предсказуемо отреагировал тот, с удивлением глядя на попавшееся ему на пути золотоволосое чудо.

Чудо было невелико ростом и очень изящно. С узкого бледного лица на Реталья взирали огромные зеленые глаза в длинных темных ресницах, губы неуверенно улыбались, а в длинных волосах сверкали и переливались драгоценные камни. Чудо подняло руку, чтобы поправить выбившуюся из причёски прядь, и Реталья окутал чудесный аромат духов — нежный, сладкий, дурманящий...

Кто это такой, откуда? Крылатый быстро сообразил — да это ведь тот самый аристократ, о котором говорил староста! Вот, значит, какой он: такой... такой...

Вёсьямиэль наблюдал за Реталем с холодным любопытством. Мысли летуна прекрасно читались по его лицу, и видно было, что он заинтересован. Похоже, он не был так уж опытен, раз принял игру Вёсьямиэля за чистую монету! Но это оказалось очень на руку: хоть нравы при императорском дворе царили более чем вольные и насмотрелся Вёсьямиэль всякого, сам он всегда предпочитал женщин и только женщин, а потому не был уверен, что его уловки сработают — все-таки дам нужно очаровывать совсем иначе.

Решив идти в наступление, иначе этот пернатый так и будет стоять столбом, он произнес все тем же сюсюкающим тоном:

— Вы прекрасны!

— Что? — опешил летун.

— Вы великолепны! — сказал Весьямиэль. — Никогда в жизни я не видел столь совершенного создания!

Говоря так, он изрядно кривил душой: более совершенное создание он ежедневно созерцал в зеркале, но упоминать об этом не стоило.

— Благодарю! — смутился Реталь. — Но...

— Вы поразили меня в самое сердце! — выудил Весьямиэль еще одну пошлую банальность из глубин памяти. — Право, я видел вас лишь издали, но вблизи вы еще прекраснее! Поверите ли, всю ночь я не мог уснуть, думая о вас!

Вот это было чистой правдой: из-за учиненного Реталем с Машей грохота спать он действительно не мог.

— Это... неожиданно... — признался крылатый, но во взгляде его появился интерес. Ага, отлично, не шарахается, значит, не такой неискушенный, как Маша! — Но приятно!

— Не считите за дерзость... — Весьямиэль почти шептал, и Реталю пришлось склониться к нему. — Мне кажется, это украшение дивно подойдет к вашим глазам...

Крылатый отпрянул и с удивлением уставился на драгоценную подвеску, которую странный аристократ ловко укрепил в его волосах. Та так заманчиво переливалась, что его тянуло снять безделушку и рассмотреть получше. Стоящий напротив мужчина завладел его рукой и поглаживал запястье.

— С их блеском ничто не сравнится! — прошептал Весьямиэль. Ему очень хотелось отойти за угол и посмеяться от души, но, увы, приходилось сдерживаться. — И как бы я хотел увидеть воочию ваши раскинутые крылья, как ветер поднимает вас в небо... И как я мечтаю взглянуть на землю с высоты полета!

«Дойдет до тебя наконец или нет?» — уныло подумал он.

Судя по глазам Реталья, он все-таки сообразил, чего хочет этот господин. Мгновение на лице его отображалась внутренняя борьба, а потом он сдался. Со вчерашней девицей не повезло, как ни жаль, другие от него шарахаются, а тут... Крылатый окинул аристократа взглядом. Худенький, наверняка легкий. Глядишь, что и выйдет! Ну а прочее... так он на девицу похож: ишь, какие глаза да кудри! Когда год ни с кем не был, поневоле отбросишь разборчивость... Опять же, вон какую он цацку просто так подарил, а вдруг еще отсыплет? Сам-то украшен!.. А может, ему ничего такого и не надо, просто полетать захотелось!

— Так это можно устроить, — сказал Реталь. Аристократ в ответ томно улыбнулся. — Очень даже просто!

— Я надеялся, что вы поймете меня, — прошептал Весьямиэль. Ну наконец-то, дурень! — Ждите меня в роще за поселком. Лучше, чтобы нас не видели вместе, эти сиволапые не поймут...

— Конечно, конечно, — закивал Реталь. Еще бы! Портить репутацию, свою или этого господина, он вовсе не желал, кто знает, как потом аукнется! Лучше поосторожнее... — Я полечу туда прямо сейчас и буду ждать!

— Прекрасно! — искренне ответил Весьямиэль и довольно улыбнулся.

Маша совершенно извелась взаперти. Работа занимала ее какое-то время, но постепенно

она начала отвлекаться на раздумья: зачем бы Весю понадобилось уродовать одежду? Если хотел такой попугайский наряд, почему не заказал Малуху? Постеснялся? Да как же! Этот постесняется, пожалуй!

Девушка припомнила его бесстыдные слова и почувствовала, что снова краснеет. Это... это... Она даже не знала, как и назвать-то подобные вещи! Чтобы мужчины... Брр! Ее передернуло. Неужели такое правда бывает? Маша не могла вообразить, чтобы это могло произойти с кем-то из ее товарищей! Это неправильно, против законов природы и вообще... отвратительно! С другой стороны, а если люди друг друга полюбят? Нет, нет, тогда они должны оставаться друзьями, товарищами, никто их не осудит, но зачем же все опошлять?!

Время шло, а белобрысый развратник так и не появлялся. Маше очень хотелось есть — давно прошел обед. Вода в кувшине нашлась, и на том спасибо! Ну и еще кое-что требовалось сделать. Под кроватью, правда, имелся ночной горшок, как во всех комнатах для важных гостей (не бежать же им среди ночи на задний двор, если вдруг приспичит!), но Маша подумать не могла о том, чтобы им воспользоваться. Хотя чувствовала, что вскоре ей придется пересмотреть свои убеждения.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился хозяин. Вид у него был довольный, как у кота, вволю наловившегося сметаны. Маша посмотрела на него осуждающе, но промолчала. Не хотела говорить с таким глубоко испорченным человеком.

— Ну, что ты тут нашла? — весело поинтересовался тот, взял одну из рубашек, рассмотрел. — Н-да, портниха из тебя та еще... Вкривь, вкось... но сойдет для сельской местности! Продолжай в том же духе.

— А поесть мне можно? — спросила Маша. — Обед давно прошел!

— А, конечно, — он словно только что заметил, который час, — иди.

Маша направилась было к двери, потом остановилась.

— Ну, что встала?

— А что с Реталем? — спросила она неуклюже, не смогла удержаться. Несмотря на неудачу, она хорошо относилась к крылатому, и ей очень хотелось, чтобы он отправил белобрысого... куда подальше!

— О, тебя все-таки интересуют эти «ужасные» вещи? — Хозяин привычно расположился на кровати и начал вынимать заколки из волос. — Ну, наш пернатый друг оказался слаб на передок... Можно так о мужчине сказать? Вернее, слаб он оказался совсем на другое... — Он покачал на ладони горстку драгоценностей. — За это некоторые матушку родную продадут, не то что...

— Неправда, — нахмурилась Маша. — Я бы никогда...

— Да о тебе речи нет, — отмахнулся Весь. — Ты вообще сама невинность.

— У нас все такие, — с достоинством ответила девушка.

— Темные? — хмыкнул мужчина. — Нашла чем хвастаться!

Он привстал, скинул камзол — даже по жаре ходил в этой штуковине, разделся бы до пояса, как все здешние! Но нет, он явно не хотел испортить аристократическую бледность плебейским загаром... Хотя и рубашки бы достало от солнца прикрыться, право слово!

Правда, на этот раз, как выяснилось, камзол понадобился белобрысому не только для защиты от солнца: он скрывал то, что мужчина заткнул за пояс, предусмотрительно обмотав какой-то тряпицей. Оказалось — это самый обыкновенный серп.

Маша уставилась на него с недоумением: зачем бы хозяину потребовался обычный сельскохозяйственный инструмент? Да еще не новый? Когда тот развернул тряпицу и начал

зачем-то протирать серп, стало видно, что тот хорошо послужил на своем веку. А вот кромка лезвия оказалась чистой, блестящей, будто серп недавно наточили.

И тут Маша заметила, что к обшлагу рукава камзола прицепилось перышко. Точно такое, какое Весь вытащил сегодня из ее волос.

— Где Реталь? — сурово спросила Маша, вспомнив, с чего началась беседа. — Вы с ним все-таки...

— Мы с ним мило прогулялись по лесу, — ухмыльнулся мужчина и, прищурившись, посмотрел на серп, будто оценивал качество заточки. — Если тебя это так волнует, то честь его осталась незапятнанной. Я внезапно решил, что спать с полуптицей — это уже смахивает на извращение.

— А если с женщиной, значит, не смахивает? — возмутилась Маша.

— Нет, — лаконично ответил он. — Еще вопросы?

— Где вы это взяли? — Маша указала на серп.

— Ты меня допрашиваешь? — удивился Весь. Судя по всему, настроение у него было отличное. — Так и быть, скажу... Позаимствовал в сарае у нашей гостеприимной хозяйшки.

— То есть... украли? — Маша не поверила своим ушам. Сквернослов, капиталист, угнетатель, извращенец да еще и вор? Это уж слишком!

— Позаимствовал, — повторил мужчина. — Все равно до осени его не хватятся. А если тебя так волнует моральная сторона вопроса, то я обеспечил хозяйшке такой доход, что она себе десяток новых купит.

— А что ж вы сами новый не купили? — возмутилась девушка.

— Не хотел привлекать внимания, — спокойно ответил Весь. — Что ты расшумелась-то?

— Но зачем он вам? — не отставала Маша. Творилось что-то странное, она это чувствовала.

— Не люблю быть безоружным. — Выражение его лица изменилось, исчезла развязность и томность, теперь он смотрел очень холодно и... неприятно. — А шпаг тут нет. И кузнец их ковать не умеет. А и умел бы — не положено пришлецам ходить с оружием.

— Даже с ножом? — удивилась Маша. Она видела, тут и мальчишки голопузые с настоящими ножиками бегали.

— Даже с ножом, — кивнул тот. — Да и какие тут ножи? Охотничьи, разделочные, но не боевые. Я с ними управляться не умею.

— А с серпом, значит, умеете? — усмехнулась Маша, представив Веся в поле, на жатве. Уморительное зрелище!

Вместо ответа мужчина как-то хитро крутанул серп, так что полумесяц лезвия размазался в блестящую полосу, что-то вжикнуло у Маши над ухом и с треском врезалось в дверь. Оглянувшись, она увидела прочно засевший в твердом дереве серп. Это с какой же силой надо было его бросить, чтобы он острым концом воткнулся в доски?! А если б Весь промахнулся и в нее попал?!

— Вы с ума сошли?! — запоздало перепугалась девушка. — Вы что делаете?..

— Вытащи и принеси обратно, — приказал мужчина.

Пришлось послушаться, а выдернуть серп из двери оказалось не так-то просто.

Как странно! Откуда бы этому... белоручке научиться обращаться с такой вещью? Правда, сейчас Машу занимал немного иной вопрос.

— А зачем вы брали его с собой? — спросила она, возвращая белобрысому серп.

— Я ведь сказал, мы прогуливались с Реталем по лесу, — ответил тот. Он сегодня был на диво словоохотлив, и Маша решила этим пользоваться, пока можно. — Вот и пригодился...

Девушка разинула рот. В голове роились догадки одна страшнее другой. Она не слышала, чтобы внизу суежилась хозяйка, подавая обед важному гостю, не слышала, чтобы Реталь прошел в свою комнату... Может, он еще не вернулся? Или...

— На некоторое время мы избавлены от общества пернатого красавчика, — озвучил ее мысли Весь.

— Что вы с ним сделали?! — Маша шагнула вперед, засучивая рукава в праведном гневе. Право, она готова была прибить белобрысого собственными руками, даже не прибегая к верной книге! — Где он?!

— Там, где и надлежит быть чересчур осведомленным людям... и нелюдям. — Весь снова крутанул серп, и Маша невольно остановилась. Да он ненормальный! — А вот что делать со слишком болтливыми девками...

Он смерил Машу нехорошим взглядом.

— ...об этом стоит поразмыслить, — сказал он, поднимаясь и запирая дверь...

Глава 9

Расплата

— Что вы... что вы собираетесь делать? — спросила Маша испуганно. И было, чего испугаться: не всякий день оказываешься в запертой комнате с вооруженным мужчиной, у которого к тому же явно что-то не в порядке с головой!

Она прекрасно понимала, что ее не спасет даже книга. Если только заслониться, чтобы серп завяз в переплете, а потом... Так-то Маша наверняка одолеет Веса, хотя, говорят, сумасшедшие бывают очень сильными!

А еще ужасно было думать о том, что он мог сделать с бедным Реталем! Маша понимала, конечно, что в мире этого ненормального наверняка даже... даже преступления благородным прощаются, но принять этого не могла!

— Надо бы тебе язык укоротить, — спокойно сказал Веса, и девушка невольно отшатнулась. — Но уже поздно. Сядь и слушай меня.

— Но...

— Сядь, — он произнес это негромко, но таким тоном, что Маша не посмела ослушаться, бочком, по стеночке обогнула мужчину и села на подоконник. Выпрыгнуть, что ли? Высоко, второй этаж, ноги переломать можно! А медицина тут... средневековая, одним словом. — Вот что, милая...

Маша аж вздрогнула: прежде он никогда ее так не называл. И, кажется, сейчас он даже не пытался быть ласковым...

— У меня был шанс попасть в столицу, как подобает человеку моего происхождения, — холодно и спокойно заговорил белобрысый. — Теперь, благодаря тебе, я поеду туда не с почетным сопровождением, а под конвоем. Ты тоже так поедешь, но меня это отчего-то не утешает.

— Почему... под конвоем? — удивилась Маша.

— А не ты ли проповедовала эту вот свою ересь? — Веса кивнул на сумку с книгой у нее на боку. — Не ты ли вещала, что нужно свергнуть властелина и установить власть рабочих и крестьян?

— Но... староста сказал, что я могу об этом говорить, — обескураженно ответила девушка.

— Говорить. А не призывать к мятежам и бунтам, — по-прежнему спокойно произнес тот. — Разницу улавливаешь?

— Но я просто хотела, чтобы в сознании простых людей...

— Неважно, чего ты хотела, — перебил мужчина. — Важно, что вышло в итоге. Я вот слышал, наемники несколько недоумков из соседней деревни купца ограбили. Когда их поймали, сказали, что это учение такое новое. «Каждому по потребностям» называется. Вот они и взяли, что им потребовалось. Узнаешь, а?

— Но это же неправильно! — возмутилась Маша. — Там же дальше...

— Неважно, — повторил Веса. — Пошли слухи. А поскольку ты служишь у меня, то все уверены, что это я тебя обучил. Не сама же ты такое выдумала!

Маша смотрела на него во все глаза. Да как такое может быть?! Что он говорит?..

— А раз так, то я опасный смутьян, — довершил мысль мужчина. — А вчера ты

растрепала все эти общевистские идеи нашему пернатому приятелю. Он ведь сюда не просто письма принес, он вынюхивать прилетел, крыса крылатая! И донес бы куда следует, что все правда, — я подстрекаю люд к мятежу. Тебя вот подучил...

— Донес бы? — переспросила Маша, холодея.

У нее язык не поворачивался озвучить ужасное предположение. Весь заманил Реталя в лес, у него было с собой оружие... Что же это?!

— Он ничего не расскажет, — кивнул Весь. — В ближайшее время.

Он посмотрел на девушку и, видимо, понял, о чем та думает.

— Ты что, решила, я его прикончил? — спросил он весело. — Охота была мараться! Да и за убийство посланника властелина по головке не погладят...

— Тогда что же вы...

— Завел подальше в лес и перья маховые ему обрезал, — сообщил мужчина. — Взлететь не сможет, а пешком из леса выбираться до-олго будет! Когда отвяжется от дерева, конечно, кляп вытащит и спустится. Лучше было бы крылья подрезать, но это уже увечье, а перья отрастут...

Маша потрясла головой, пытаясь понять, как же это такой хрупкий Весь справился с Реталем? Наверно, пригрозил серпом!.. Бедный крылатый! На дереве... Понятно, как они с Весем туда попали!

— А вдруг его найдут? — с надеждой спросила она.

— Вряд ли, — спустил ее с небес на землю мужчина. — Никто не видел, куда мы пошли. В это время как раз самая жара, все отдыхали после обеда. Так что не найдут, не надейся. Но ты не бойся, я же не вовсе изверг, привязал так, что освободиться он сможет... денька через три. Ничего, ночи теплые, волки по деревьям не лазают. Переживет.

— Но дальше-то что?! — вскричала Маша, уже ничего не понимая.

— А дальше... надо живо убираться отсюда, — произнес Весь. — Я не желаю ехать в столицу в цепях.

— А... куда же?.. — попыталась девушка сформулировать вопрос.

— Самому интересно. — Мужчина усмехнулся. — Подальше отсюда. Там видно будет. А ты мне поможешь. Поможешь, поможешь, не крути носом! У тебя выхода другого нет. Если останешься — тоже за решетку угодишь. Охота тебе?

— Нет, — призналась Маша. Пострадать за преступление, которого не совершала, — это ли не несчастье? Слыхала она о таком и в своем мире: это часто случалось до того, как воцарился общевизм!

— Тогда давай соображай, — велел белобрысый. — Ты поселок лучше моего знаешь. Прикинь, у кого можно лошадей увести.

— Увести?! — ужаснулась Маша. — Украсть то есть?!

— Ты погромче еще поори при открытом окне, — нахмурился тот.

— Зачем лошади-то? — Девушка понизила голос.

— А ты хочешь вещи на себе нести? Припасы там, одежду? Нет проблем, ты и потащишь! — усмехнулся Весь. — Вон кобыла какая вымахала! А теперь иди-ка, принеси мне поесть!

Маша горестно уставилась в пол. Кажется, с самого начала что-то пошло не так, и как теперь это исправлять, она не знала...

подавая обед Весю, а потом машинально убирая грязную посуду, Маша все думала о

том, что он рассказал. Неужели нашлись негодяи, которые прикрылись светлым учением Вождя, чтобы грабить и убивать?! Но ведь это совершенно не по-общевистски! Маше было до слез обидно, что ее слова неправильно поняли или, хуже того, намеренно извратили! Или это попросту она не смогла точно объяснить, подвела Вождя?! А что, если все те, кто бывал на политучебе, постигли общевизм в меру своего разума и принялись разбойничать?!

Нет, Маша никак не могла поверить в это, но у нее не было причин сомневаться в словах Веси. И девушке пришлось признать, что она не оправдала надежд Вождя и не смогла принести в этот мир общевизм.

Кажется, Веси больше всего волновала собственная участь. Нельзя сказать, чтоб Маша горела желанием поплатиться за свои рассказы, однако гораздо важнее было не допустить, чтоб здесь порочили незапятнанное имя Вождя!

Маша помнила, что когда-то в ее мире существовали религии (глупость, конечно, но ведь тогда еще не появился общевизм, а людям надо было во что-то верить!), и от них отделялось множество сект, которые извращали самые основы веры. Выходит, здесь появилась ересь, искажившая учение Вождя, и, на взгляд Маши, такое преступление заслуживало самого сурового наказания! Это же враги народа, стоящие на пути общевистской революции! Гонения на революционеров страшны сами по себе, но приравнять общевистов к вора и убийцам просто ужасно!

Нет, она должна обязательно добраться до властелина и объяснить, что ее просто неправильно поняли! Пусть даже ей придется поплатиться жизнью или свободой — она обязана привести этот мир к справедливому устройству и власти трудящихся!

А еще Маше было больно и очень обидно: ведь выходит, что она не просто понравилась Реталю, ему нужно было все выведать! И это показалось девушке особенно оскорбительным.

Впрочем, особенно переживать не было времени: Веси велел поразмыслить, каким образом выбраться из Перепутинска, и Маша послушно думала.

В том, что в дорогу придется отправляться вместе с Весем, она не увидела ничего страшного. Ну и что, что он — недобитый империалист? Маша хорошо помнила слова из книги Вождя: «В политике можно объединяться ради известной цели даже с самим аристократом, — нужно только быть уверенным, что ты проведешь аристократа, а не он тебя».

Решив так, Маша охотно включилась в подготовку побега. Конечно, то, что предлагал делать Веси, — некрасиво и недостойно общевистки, но он иронически заявил, что охотно выслушает ее предложения, и тут девушка умолкла: других вариантов она не могла придумать, как ни старалась.

В итоге они договорились, что Веси самолично соберет свои вещи, пока девушка разузнает кое-что (хотя его лицо приняло такое выражение, что Маша едва не кинулась ему помогать, но тут же себя одернула: хватит прислуживать, не переломится, если сам что-то сделает!)

Девушка отправилась вниз с поручением вызнать, какие лошади есть на конюшне, а также выведать, когда хозяйки постоялого двора не будут на месте.

Казалось, сама судьба благоприятствовала беглецам: постоянный двор оказался набит битком, поскольку на следующий день была назначена свадьба племянницы старосты. Здесь свадьбы обычно играли осенью, но прислуга шепталась, дескать, невеста на сносях, так что до осени тянуть чревато, позора не оберешься. К тому же поговаривали, что жених не горит желанием связывать себя священными узами брака (невеста, прямо скажем, не красавица,

переспал он с ней по пьяни!), но староста Перепутинска вместе с родителями будущего мужа надавили на несчастного паренька, и он вынужденно согласился. Но мало ли, вдруг передумает, если дать долгий срок!

[Купить полную версию книги](#)